

Роже Вадим
От звезды к звезде. Брижит Бардо,
Катрин Денев, Джейн Фонда...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2672125
От звезды к звезде: Прогресс-Традиция; Москва; 2011
ISBN 5-89826-092-7*

Аннотация

Автор мемуаров, известный французский кинорежиссер Роже Вадим, настоящая фамилия которого Племянников, рассказывает о знаменитых актрисах, с которыми связала его судьба, – Брижит Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда и др. При чтении мемуаров возникает и образ самого автора, сумевшего, по его словам, на протяжении всей своей жизни сохранить с этими «замечательными женщинами» самые нежные и дружеские отношения». Перевод дан с некоторыми сокращениями.

Содержание

ОТ АВТОРА	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Роже Вадим

От звезды к звезде

Брижит Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда...

*Издательство «Прогресс-Традиция» выражает
признательность за содействие в издании книги
Министерству культуры Франции*

ОТ АВТОРА

Публикация дневников и мемуаров не новость в наши дни. О своих семьях, любовных связях, людях, которые были им известны, писали на протяжении тысячелетий литераторы, политики, философы и даже святые (обою пола). Что касается понятия «вмешательство в личную жизнь», то оно появилось сравнительно недавно.

Следует заметить, что словосочетание «личная жизнь» понимается всеми по-разному. Скажем, актриса, дабы сделать карьеру, стремится привлечь к себе внимание масс-медиа, рассказывая о личной жизни, чувствах, а также о профессии, демонстрируя при этом свои прелести с помощью экрана и фотографий. Но ее вряд ли поймут, если уже на вершине успеха она решит, что все сказанное ею прежде должно быть забыто и, как во времена Савонаролы, подвергнуто цензуре и уничтожению.

Знаменитая «звезда» не вправе претендовать на совершенно анонимное существование. В противном случае ей следовало бы выбрать иную форму приложения сил и не добиваться славы с помощью театральных подмостков, экрана или средств массовой информации.

Разумеется, существуют исключения. Например, Грета Гарбо, жившая затворницей в тени голливудских гигантов. Она никогда не приглашала фотографов по случаю своего дня рождения или другого события в личной жизни.

Публикуя эту книгу, я никоим образом не стремился к сенсации. (Бог свидетель, у меня для этого было предостаточно материала!) Напротив, я хотел лишь выразить свои самые нежные и почтительные чувства этим замечательным женщинам.

Р.В.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ БРИЖИТ БАРДО

1

С тех пор как Боттичелли написал свою Венеру плывущей на перламутровой раковине, никто не видел богиню любви выходящей из пены морской.

Свидетелями именно такого чуда стали 12 мая 1953 года в двенадцатом часу пополудни две тысячи американских моряков авианосца «Энтерпрайс», бросившего якорь в Каннской бухте.

Сначала они увидели, как из морских глубин появилась длинная прядь волос, затем лицо в капельках воды, блестящих на солнце подобно бриллиантам. Невинный, но чувственный рот, идеально прорисованные глаза, маленький носик, щеки, еще сохранившие детскую округлость, – все это словно было создано для наслаждения. Две породистые ручки ухватились за борт моторной лодки, и вот она уже предстала перед всеми со своей лебединой шеей, покатыми плечами, высокой грудью и осиной талией, которую можно было обхватить пальцами обеих рук, с круглой, на зависть Адонису или Афродите, дерзкой задницей, великолепными бедрами и мускулистыми ногами балерины. Ничто, кроме бикини, не скрывало это чувственное и гордое тело.

Даже не зная, кто она, моряки «Энтерпрайса» могли без труда догадаться, что перед ними богиня. Их свист и аплодисменты несомненно донеслись до ступеней Дворца фестивалей на набережной Круазетт. Чтобы лучше разглядеть девушку, моряки столпились по левому борту авианосца.

Стоя в лодке, Брижит расхохоталась. «Да они же перевернут корабль!» – воскликнула она.

Дежурный офицер спустил трап и пригласил Брижит подняться на борт. Это было против правил, но он предпочел их нарушить, чтобы не вызвать бунт на корабле.

Со свойственной ей непосредственностью Брижит приняла приглашение. И, оказавшись на палубе, стала пожимать руки морякам, рассмешила знанием четырех английских слов, позволила сколько угодно снимать себя. Она так отличалась от обычных гостей «Энтерпрайса» типа Боба Хоупа или манерных девиц с маркой «Сделано в Голливуде»! Покидая авианосец, Брижит оставила там две тысячи друзей.

По дороге в отель «Карлтон» она успела натянуть джинсы. Но ей понадобилось добрых полчаса, чтобы пройти сто метров от пляжа до гостиницы, и столько же времени, чтобы миновать ее холл. В конце концов она все же сумела сесть в лифт. Но при выходе из него на четвертом этаже, где находился наш номер, ее уже поджидали другие фотографии.

Каннский фестиваль был в разгаре. Это было безумное и веселое время. «Звезды» еще не знали, что подобно Мессии посланы на землю, дабы указать путь человечеству, а журналисты не судили об их талантах в зависимости от общественного положения и политических взглядов. Брижит Бардо уже снялась в нескольких фильмах, но не была «звездой». Она, впрочем, не была и гостьей фестиваля, а просто сопровождала мужа, молодого репортера «Пари Матч» по имени Роже Вадим...

Мы были женаты четыре месяца, и она не захотела остаться одна в Париже.

Испытывая аллергию к официальным приемам и пресс-конференциям и зная, что ни один фильм с ее участием не значится в списке конкурсных картин, она никак не могла понять, отчего с момента нашего приезда вокруг нее стало происходить нечто странное.

Побросав свою обычную добычу – известных в мире «звезд» обоего пола, – фотографии следовали по пятам Брижит, куда бы она ни шла – в рестораны, магазины, и даже забирались в наш номер.

Помнится, однажды во второй половине дня я был единственным журналистом, интервьюировавшим Лоллобриджиду, Ким Новак и Керка Дугласа в зале пресс-конференций. Все остальные бегали за моей женой по лавочкам на улице Антиб и пальмовой аллее набережной Круазетт.

«Феномен Бардо», та непонятная притягательная сила, которой обладала эта девятнадцатилетняя девчонка, сам по себе не был новостью. Но тогда в Канне он приобрел поистине международный размах. В тот же день, когда она побывала на «Энтерпрайсе», мы ужинали с друзьями в маленькой таверне в Ла-Напуль. Нам с трудом удалось избавиться от журналистов и фотографов (как ни странно, мне приходилось прятаться от собратьев по перу), но тут к нашему столику приблизился человек, представившийся секретарем Онассиса.

– Каким образом вы меня нашли? – удивилась Брижит.

– Позвольте скрыть мой источник информации, мадемуазель. Вопрос принципа.

– У вашего хозяина отмененная шпионская служба, – заметила Брижит.

– Можно и так сказать. Он просил пригласить вас на прием на борту яхты «Кристина» завтра вечером. Там будут все «звезды» фестиваля. Господин Онассис просил передать, что без вас этот прием не будет иметь успеха.

– И он совершенно прав, – ответила Брижит. – К сожалению, завтра я занята. Я ужинаю с мужем, – а после того, как секретарь протянул приглашение и мне, добавила: – Тет-а-тет.

Всем известна красота Брижит, ее вызывающая чувственность. Она – само воплощение эротики и радости жизни минувшей эпохи. Но мало кому известны ее страхи, волнения, ее способность накликать на себя беду, которые так часто приводили ее на грань трагедии.

Влюбленные, которые прогуливаются, обмениваясь поцелуями, при свете луны, не думают о другой ее стороне. Это же самое относится и к Брижит: всем известна только одна сторона ее жизни.

Что же скрывается в действительности за лучезарным обликом известного секс-символа?

2

92-й автобус двигался по авеню Поль-Думерг в сторону Булонского леса. Первые недели октября были хмурые, но в это утро погода внезапно смиростивилась. Осеннее солнце особенно выгодно оттеняет красоту Парижа. Воздух был легким, деревья – в позолоте и ржавчине. Брижит стояла на открытой платформе и рылась в большой матерчатой сумке, в которую были засунуты трико балерины, балетные пуанты, школьные тетради и учебники. Она трижды выругалась. Ей было пятнадцать лет.

Кондуктор с восхищением разглядывал проступающие в разрезе блузки молодые груди.

– Вы что-то потеряли, милая дамочка? – спросил он.

– Учебник алгебры. Наверное, выпал из сумки, когда я переодевалась у Бориса.

Мог ли знать кондуктор, что Борис Князев, балетмейстер при дворе царя Николая II, был всего лишь учителем танцев этой прелестной девчушки. Трижды в неделю после лицея она отправлялась в студию Уокера на площади Пигалье к этому гениальному тирану. «Толчок! Аттитюд! Пируэт! Прыжок! Жете батыю!.. Раз, два, три... Голову выше! Большой прыжок с вращением!» После первого знакомства Борис сказал:

– Хорошо. Но придется серьезно потрудиться.

Что на самом деле означало: «Ты станешь примадонной».

Выйдя из автобуса на остановке «Юшет», Брижит легкой походкой дошла до дома 1-бис по улице Помп. Поднимаясь на стареньком гидравлическом лифте, напоминавшем гриб, подвешенный к колонне, она размышляла, к какой тактике прибегнуть, чтобы получить разрешение пойти с подругой в кино. Доехав до последнего, шестого, этажа, она вышла из лифта и трижды коротко позвонила в дверь. Ей открыла прислуга.

В гостиной ее ждал сюрприз. У матери в гостях была главный редактор журнала «Эль» Элен Лазарефф, искавшая новое лицо для репортажа о молодой француженке. Будучи подругой госпожи Бардо, она была знакома с Брижит. «Это она, говорю тебе. Она!» – повторяла Элен в тот момент, когда девушка вошла в комнату. Госпожа Бардо, Тотти для близких, недоверчиво относилась к газетам и рекламе. Но согласилась, чтобы сделать приятное Элен. «При условии, что Брижит не будет манкировать занятиями», – уточнила она.

Всегда согласная со всем, что могло поколебать рутину семейной жизни, Брижит не скрывала своего восторга.

В те времена я жил у Даниель Делорм и Даниеля Желена, молодых супругов и актеров французского кино. Иногда мне приходилось выступать в роли бэби-ситтера при их трехлетнем ребенке. Это мне нравилось, я всегда любил детей. Поиграв в барракуду в ванне, постреляв из игрушечного пистолета по прохожим на авеню Ваграм и соорудив римскую тогу из старой простыни, мы с Зази поняли, что выдохлись.

– Сделай бумажного голубя, – попросил он.

Я вырвал страницу из последнего номера «Эль». Складывая ее по диагонали, я обратил внимание на фотографию девушки. Зази ждал голубя и проявлял нетерпение.

– Что ты делаешь?

– Рассматриваю фотографию. Зази отобрал журнальную страничку.

– Я ее не знаю. Но она красивая, – сказал он.

Брижит была тогда темной шатенкой. Вопреки тому, что обо мне писали, я никогда не предпочитал блондинок. Красота – вот что меня больше всего волнует. Брюнетка Брижит была очень красива.

На другой день я показал это фото Марку Аллегре, который собирался снимать фильм по моему первому сценарию под названием «Срезанные лавры», и без особого труда убедил его, что эта девушка наилучшим образом воплотила бы образ моей героини. Он написал записку госпоже и господину Бардо, в которой говорилось, что он хотел бы повидать их дочь и сделать с ней пробы для фильма.

Спустя семь лет после окончания войны кинематограф еще был недоступен для молодых режиссеров. В нем царили Марсель Карне, Рене Клер, Анри-Жорж Клузо, Рене Клеман, Жюльен Дювивье и Марк Аллегре. Их средний возраст был 50 лет. Марк был известен тем, что дал шанс многим молодым актерам. Он обладал даром открывать таланты.

Я познакомился с ним тремя годами раньше, участвуя в массовке его фильма «Петрюс». Тогда он внезапно покинул съемочную площадку, узнав, что что-то случилось с дочерью. Я видел, как он сел в машину и умчался на всех парах. Я же вернулся на съемочную площадку, где пребывал в унынии продюсер, уже подсчитывая, во сколько ему обойдется этот простой: снималась массовая сцена ярмарки с участием трехсот статистов. Я подошел к бедняге и сказал, что Марк Аллегре проинструктировал меня, как снять сцену. Продюсер почему-то нисколько не усомнился в способности семнадцатилетнего парня снять довольно сложный план с панорамой, наездом на лошадок карусели и закончить крупным планом Фернанделя, главной «звезды» фильма. А он почему-то поверил.

Съемочная группа расставила всех по местам, мы прорепетировали, и спустя два часа план был отснят. Когда Марк Аллегре появился на съемочной площадке, продюсер горячо поблагодарил его. Я уж готов был пуститься наутек, но Аллегре удержал меня. Оказывается,

он краем глаза наблюдал за моей работой и пригласил к себе в кабинет. До этого он ни разу не разговаривал со мной.

– План был снят неплохо. Взять Фернанделя через голову лошади даже забавно. Я об этом не подумал. Не хотите ли пообедать вместе? – спросил он.

Марк Аллегре стал моим ментором, моим другом, сообщником в некоторых ситуациях, которые можно назвать довольно «пикантными», в какой-то мере отцом. Мой настоящий отец Игорь Племянников, консул Франции, умер в возрасте тридцати четырех лет от сердечного приступа. А отчим Жеральд Ханнинг, архитектор, урбанист, сотрудник Ле Корбюзье, превосходный человек, был на десять лет моложе матери. Он оказал на меня большое интеллектуальное влияние. Я восхищался им и любил, как старшего брата. Увы, он разошелся с мамой. Будучи человеком весьма независимым (я жил самостоятельно с пятнадцати лет), встретив Марка, я почувствовал, как мне нужен отец.

Первые шаги ассистента я сделал в Лондоне на картине Аллегре, которую он снимал для сэра Александра Корда «Бланш Фьюри» с Валери Хобсон и Стюартом Гренжером. Английские профсоюзы отличались яростным изоляционизмом, поэтому мне не заплатили ни гроша. Но я не роптал. Я жил в отеле «Дорчестер», в «люксе» для режиссера, изучал английский язык, англичан и в более интимном плане – англичанок.

Вернувшись во Францию, я закончил сценарий «Срезанных лавров». В нем все герои были несовершеннолетние. В то время средний возраст зрителей был от 25 до 50 лет. Поэтому фильмы о молодежи не были в чести. Но поскольку Марк согласился снимать по этому сценарию фильм, продюсер заплатил мне 80 тысяч (старых) франков. Это не означало ни признания, ни благополучия, и тем не менее журнал «Синемонд» напечатал тогда статью, озаглавив ее: «19-летний Роже Вадим – самый молодой сценарист Франции».

Однажды в поезде Лондон—Париж мы с Марком познакомились с одной из самых талантливых балерин Парижского балета Лесли Карон. Он сделал с ней пробы для фильма по моему сценарию. Но воспротивился продюсер. «Она похожа на эскимоску», – заявил он. Однако благодаря этой пробе Лесли получила обложку в «Пари-Матч», а Джин Келли пригласил ее сниматься в «Американце в Париже».

Я испытывал большую нежность к Лесли. Но та отвечала мне только привязанностью. Мы провели три недели в Альпах, катаясь на лыжах. Балансируя на проволоке любви, мы оба не решались сделать решающий шаг. Я был застенчив, а она только начала отходить после бурного романа с одним из партнеров в Парижском балете. В межевском отеле «Монблан» мы жили (исключительно из соображений экономии средств) в одном номере. Лесли спала на полу на матрасе. Испытывая чувство вины за то, что не занималась любовью в номере мужчины, которого несомненно поощряла, она решила истязать себя, отдав мне удобную постель. И спала с темными наглазниками, как «звезда» довоенного кино.

Находясь в Голливуде, где велись приготовления к съемкам «Американца в Париже», Лесли чувствовала себя ужасно одинокой. Ее длинное письмо заканчивалось следующим абзацем:

«Почему бы тебе не приехать сюда? Ты сумеешь и тут писать. Я уверена, что тебе удастся продать свой сценарий. Как грустно, что ты так далеко, и чем больше я об этом думаю, тем мне печальнее».

Я бы ответил согласием, если бы приблизительно за месяц до этого не встретил Брижит Бардо. Теперь мне понятно, что нежность, дружба и физическое влечение, которое я испытывал к Лесли (мы с ней только целовались), не были любовью.

Принимая во внимание, какое будущее планировали своей дочери родители Брижит (замужество за банкиром, промышленником, в крайнем случае – министром), шансы на то, что они ответят положительно на записку Марка Аллегре, были минимальные. Но, не считая пробу как нечто серьезное (а ей было интересно познакомиться с известным режиссером),

мадам Бардо уступила дочери. Она решила, что из этой встречи все равно ничего не получится, но так, по крайней мере, удастся избежать упреков Брижит. Свидание должно было состояться у Марка Аллегре в доме 11-бис на улице Лорд-Байрон в конце дня, после школы.

Брижит не рассчитывала, что ее пригласят сниматься в фильме. К тому же она и не думала о кино, ей хотелось сделать карьеру классической балерины. Но она охотно знакомилась с новыми людьми, лишь бы те отличались от друзей папы и мамы и лицеистов из хороших семей, которых привечали на улице Помп. Как и матери, ей хотелось познакомиться с человеком, который, по ее представлениям, командовал целым сонмом «звезд» и знаменитостей.

Ни Тоти, ни мадемуазель Бардо и не думали, что эта встреча серьезно изменит всю их жизнь.

3

Когда мы познакомились, больше всего меня поразила в Брижит ее стать, походка. А также тонкая талия. Царственная посадка головы. И манера смотреть на людей. Многие смотрят, но ничего не видят.

Мать ее была светлой, коротко стриженной шатенкой. Прекрасные миндалевидные глаза, тонкий, чуть длинноватый нос, изящно прорисованный рот. Всегда сдерживаемая улыбка и легкая светскость придавали этому лицу без морщин неоправданно суровый вид, сообщая ему также молодость, столь редкую у парижанок ее положения. От сорокалетия ее отделяли всего два года. Она не была похожа на дочь. У первой побеждали воспитание и классовые предрассудки, у второй все подчинялось спонтанности и естеству.

Мы находились на восьмом этаже в залитой солнцем квартире Марка Аллегре, которому госпожа Бардо объясняла, что уступила капризу дочери и удовольствию познакомиться с таким высокоталантливым человеком, как он, но не предназначает дочь для актерской карьеры. Продолжая болтать, она смогла убедиться, что Марк – полная противоположность тому, какое представление имеют о шоу-мене в ее среде. Своими манерами и изящной речью он скорее напоминал дипломата, чем одержимого художника, орущего на съемочной площадке. Госпожа Бардо была очарована, хотя Марк и не старался щегольнуть своей культурой. Ей, наверное, были известны слова президента Пуанкаре, что «культура подобна варенью – чем его меньше, тем больше его расхваливают». Словом, Марку удалось ее уговорить («Брижит в том возрасте, когда любят эксперименты. Одна проба ни к чему не обязывает»).

Во время этого разговора заинтересованная особа все время поглядывала на молодого человека, которого Марк насмешливо представил как своего сотрудника: «Роже Вадим... Сценарист... Ленив, вечно опаздывает, но для своего возраста человек весьма способный». На что Брижит ответила своим непосредственным и заразительным смехом, сразу пленившим меня. Позднее она призналась, что испытала «нечто похожее на любовь с первого взгляда».

Было решено, что я порепетирую с Брижит в те дни, когда она не посещала курсы Уолкера.

Еще не доехав до дома, мадам Бардо уже пожалела, что дала согласие Марку Аллегре. Но, будучи человеком слова, она не пойдет на попятную. Оставалось убедить мужа. Именуемый близкими Пилу, господин Бардо был на пятнадцать лет старше жены. Высокий лоб, волосы с проседью, узкие губы, острый, волевой подбородок, напряженный, становившийся подчас пристальным взгляд, делавший его еще более странным из-за толстых стекол очков, – он мог бы сойти за директора психиатрической клиники, полковника в отставке или изобретателя противогаза. А на самом деле возглавлял администрацию завода по изготовлению сжиженного кислорода.

Всегда пунктуальный, даже в обстановке окружающего борделя, он являл собой пример человека, который все (до минуты) рассчитывает наперед, например, время на остановки во время поездки в машине, на заправку, среднюю скорость и т. д. И одновременно этот человек был способен прийти в восторг при виде коровы в поле. Фотографируя ее целый час, он затем, дабы наверстать упущенное время, гнал машину, превышая «среднюю скорость», рискуя жизнью семьи на каждом вираже. Ничто не принуждало его к этому, кроме стремления прибыть на место в час, обозначенный в его записной книжке. Он обожал каламбуры и анекдоты, не расставаясь с блокнотом, куда записывал услышанное. Мог прервать разговор, чтобы записать понравившийся ему анекдот, не замечая неловкости и замешательства окружающих. Господин Бардо считал, что все в доме решает он, но на самом деле бразды правления находились в руках Тоти.

На известие, что его дочь станет готовиться к кинопробе, он отреагировал следующими словами: «Шутов в семье я не потерплю», а затем добавил: «Прежде чем перешагнуть порог студии, ей придется перешагнуть через мой труп». На что Брижит возразила: «Это вы сейчас, папа, разыгрываете комедию». Тоти сказала, что дала слово. «Ты согласилась?» – переспросил Пилу. – «Да». Господин Бардо оказался в корнелевской ситуации: допустить клятвопреступление супруги или узреть бесчестие дочери. Он выбрал второе, решив, что кинопроба, в конце концов, ни к чему не обязывает. И снял свое вето.

В один из понедельников в конце дня Брижит пришла в дом № 44 на авеню Ваграм, в квартиру Желенов. Положив учебники на один из стульев при входе, она проследовала за мной в гостиную.

– Глядя на вас, я не перестаю думать о Софи, – сказал я ей.

Брижит была вылитой Софи, героиней романа, написанного мной в отрочестве. Уязвимая и динамичная, сентиментальная и современная во взглядах на секс, испытывавшая аллергию к проявлениям буржуазной морали, Софи всем напоминала Брижит. Ее образный, дерзкий язычок украшали довольно смелые, но отнюдь не вульгарные словечки. Позднее я дал ей прочитать роман, и «Софи» стало ее тайным, кодовым именем. Долгие годы она подписывала им свои любовные письма.

Брижит расположилась в одном из кресел гостиной, и мы начали работать над сценой, текст которой я попросил ее выучить заранее. Свое театральное образование я получил у Шарля Дюлена, в школе которого занимался с пятнадцати до восемнадцати лет. Конечно, у меня не было опыта моего знаменитого учителя, но я быстро сообразил, что Брижит неподражаема и что ее недостатки могут стать достоинством. Ей нужен был садовник, а не учитель. Такой цветок нельзя подрезать, его следует обильно поливать. Бороться с интонациями ее голоса, с его капризными интонациями, было бы вандализмом. В такой же мере, как заставлять вникать в психологию героини. Мотивировка поступков ее совершенно не интересовала. Она либо понимала все чисто инстинктивно, либо ничего не понимала. Брижит делала реальными своих героинь, «бардолизируя» их, прибегая к собственным эмоциям. И тогда происходило чудо.

Память у Брижит была специфическая. Она могла запомнить свои реплики за несколько минут до съемки либо напрочь забывала все то, что выучила накануне, если ее отвлекло какое-то взволновавшее ее событие. Когда мы расставались с ней после первой репетиции, она знала текст назубок. А два дня спустя не помнила ни слова и в качестве извинения произнесла: «Отец бьет тарелки». Оказывается, всякий раз, когда за столом она заводила разговор обо мне, Пилу хватал серебряный нож и бил рукояткой по тонкого фарфора тарелке, которая разлеталась вдребезги. «Мама считает, что вы дорого нам обходитесь», – сказала она и рассмеялась. Бергсон писал, что смех – это сущность человека. Я всегда считал, что эти слова имели к Брижит самое непосредственное отношение.

Одетая в блузку, она сидела на полу, прижавшись к стене и поджав ноги. Я всячески старался смотреть ей в глаза, но она поняла, что волнует меня. И тогда сказала:

– А почему бы нам не перейти на «ты»?

Я расценил эти слова как скрытое признание в любви. Но не воспользовался этим. Мы ведь встретились по делу, и я принял все меры, чтобы это не обернулось флиртом. Я вообще никогда не пользовался своим положением в личных целях. Хотя я и не был знаменит, но статус сценариста и ассистента Аллегре не мог не произвести впечатление на пятнадцатилетнюю девушку. За всю свою карьеру я никогда не заводил романы во время съемок. (Если только уже не жил с актрисой, что действительно имело место.) Встречам на авеню Ваграм, сопровождавшимся смехом, была присуща затаенная нежность. Они не были лишены своего очарования.

Наступил день кинопробы.

Брижит проявила полное самообладание. У нее не было никакого опыта, но создавалось впечатление, что она всю жизнь стояла перед камерой. Я гордился своей ученицей, которая произвела большое впечатление на Марка Аллегре.

Было поздно, когда я вез ее домой на такси. Она держала меня за руку. Мы не имели понятия, каков будет приговор продюсера, и не знали, не станет ли эта поездка через Париж нашим последним свиданием. Перед тем как выйти из машины, она быстро (впервые) поцеловала меня в губы.

Продюсеру не понравились зубы Брижит. Он посчитал, что она слишком раскрывает рот. Брижит забраковали, и начало съемок «Срезанных лавров» было отложено на неопределенное время. Я не видел Брижит несколько недель.

Но я не забыл ее. Однако мне было трудно представить, как можно согласовать столь разный, чем у нас, образ жизни. Я в буквальном смысле жил, как птица на ветке, ночуя то у одного, то у другого приятеля, в зависимости от настроения или характера общения. (Дом 44 на авеню Ваграм был убежищем, но не собственностью). Много времени я проводил на Сен-Жермен-де-Пре, напоминавшей деревню внутри большого города. Моими друзьями были тогда никому не известные люди, многие из которых прославились с тех пор. Другие, как Жан Кокто, Жак Превер, Борис Виан, Жан Жене, уже были знамениты. Я был также знаком с Морисом Шевалье, Эдит Пиаф, Колетт, Сартром, Камю, Сальвадором Дали, многими «звездами» театра и кино...

Ночи в Сен-Жермен пользовались популярностью, весь Париж приезжал сюда развлечься и пораспутничать. Если у тебя не было ни гроша, это не имело никакого значения: у кого было три су, платил за всех. Мы пользовались кредитом в бистро и дискотеках. И не без оснований. Именно такие парни, как Кристиан Маркан, Мишель де Ре и я сам, такие девушки, как Жюльет Греко или Аннабелла, придали этому району свой стиль и подбросили мысль об открытии клубов в подвалах домов. Слово «дискотека» придумано мной. Какой-то журналист обозвал нас экзистенциалистами. Позднее нам на смену пришли битники и хиппи. О нас тогда часто писали в таких изданиях, как «Самди суар» и «Франс диманш».

Нам было невдомек, что некоторые масс-медиа и местные торгаши ради прибыли использовали в своих интересах внезапно возникшее движение, бывшее скорее стилем жизни и мирной формой анархии, чем политической и интеллектуальной позицией с опорой на философские взгляды Жан-Поля Сартра. Впрочем, довольно скоро подлинный послевоенный Сен-Жермен погиб от загрязнения среды, привлекая к себе толпы туристов. Таким он остается и сегодня. Но когда я встретил Брижит, я вел шикарную, полную приключений жизнь, позволявшую общаться с самыми образованными и интересными людьми того времени.

Снимаясь подчас в массовках, продавая сценарий или работая ассистентом у Марка Аллегре на одном из его фильмов, я всячески отказывался от постоянного места службы.

Но при этом в куда большей степени успевал учиться, предчувствуя, что сей период полной свободы, последовавший за четырьмя годами нацистской оккупации, станет лишь кратковременным эпизодом, и был полон решимости воспользоваться им в полной мере.

В подобных условиях просто невозможно было предположить любовную связь с благовоспитанной девушкой, которой разрешалось лишь раз в месяц возвращаться домой после полуночи. Но я не мог забыть Брижит и нежность ее губ.

Однажды в субботу по выходе из кинотеатра я обратил внимание, что у меня в кармане всего несколько франков. Я мог либо позвонить Брижит, либо купить билет метро. Я выбрал первое. Почему именно в этот день, а не в другой, не могу сказать. Это было не внезапным озарением, а чистой потребностью. Приказ возник в подсознании, и я не мог ему не подчиниться.

Я страшно рассеянный человек. Мне случалось забывать о свидании, от которого зависела моя карьера, ошибиться днем, перепутать студию, где шли съемки. Но у меня фантастическая память на телефоны, и к счастью, ибо я вечно теряю записные книжки. Я помнил номер телефона Брижит потому, что звонил ей с месяц назад.

Она сама подошла к телефону. Под каким-то предлогом отказалась провести уик-энд в Ловесьене с родителями. По голосу я понял, как она обрадована моим звонком. «Сейчас же приходи, – сказала она. – Я тут с приятелем и бабушкой. Ей поручена охрана до понедельника». Денег на метро не осталось, пришлось идти пешком с Итальянского бульвара на улицу Помп.

Брижит знала мою слабость к какао с молоком и приготовила горячий и пенистый «Овомальтин». Мы сидели в салоне, обставленном мебелью в стиле Людовика XVI, обсуждая с ее приятелем какие-то пустяки. Я был старше обоих всего на пять лет, но чувствовал себя чуждым их заботам. Целый мир отделял меня от этих подростков, не знавших войны и живших на содержании родителей.

Когда приятель ее ушел, мы заговорили о личных вещах, но появление каждые три минуты «бабули», весьма серьезно относившейся к своей роли дуэньи, не допускало никакой интимности. В полвосьмого бабушка дала понять, что мне пора удалиться. Я перехватил ее знак внучке, которая ушла с ней в другую комнату. Прощаясь со мной на лестнице, Брижит, чтобы не расхохотаться, кусала губы. «Бабуля просила пошарить у тебя в карманах. Она опасается, что ты стащил ее серебряные ложки...» – сказала она. Я обнял ее, и мы поцеловались. Этот долгий поцелуй был прерван шагами бабушки.

Реакция на мой счет бабули Бардо была весьма характерна для реакционной французской буржуазии середины века. Подобно тому как короли когда-то держали шутов для развлечения гостей, хозяйки престижных домов считали лестным принимать у себя известных актеров и певцов. Те чаровали, подчас восхищали, но одновременно, особенно киношники, казались людьми подозрительными. В этом смысле понятна тревога бабули Бардо, когда она увидела в доме странно одетого молодого человека, работавшего в кино и способного увлечь бедняжку Брижит в свой мир богемы, где не чтут никаких законов.

Господин и госпожа Бардо были образованными людьми. Среди их друзей находились журналисты, театральные деятели, модельеры. Они любили искусство. Мои шотландские рубашки, неглаженные брюки, довольно длинные волосы не пугали их. На них произвело некоторое впечатление, что мой отец был французским консулом и в четырнадцатилетнем возрасте сражался с большевиками. Мое настоящее имя Роже Вадим Племянников. Имя Вадим выбрали родители, другое, в соответствии с законом, было взято из альманаха, да еще мой крестный носил имя Роже. По-русски фамилия Племянников означает сына брата. Подойдя в своем рассказе к происхождению фамилии, я предложил семейству Бардо отправиться в далекие края, в XIII век, во времена владычества Чингисхана. На своем смертном

одре он поделил империю, простиравшуюся от Китая до границ Европы, между сыновьями. Младший получил часть Польши и Украины. После его смерти наследником стал не сын, а племянник. Фамилия Племянников так и осталась за нашим родом даже после того, как он прекратил царствовать.

Став изгнанником после революции, мой отец приехал во Францию и получил тут гражданство. Как все выходцы из дворянских семей, он бегло говорил по-французски, закончил Школу политических наук и с блеском выдержал «малый конкурс». Назначенный вице-консулом в 28 лет, он женился на француженке Мари-Антуанетте Ардилуз. Его первым постом была Александрия.

Я никогда не мог себе представить, что, благодаря своему предку, сжигавшему города и отрубавшему головы, буду принят в парижском буржуазном салоне XX века. Поначалу я делал промашки в этикете. Скажем, разбивал яйцо всмятку ножом вместо ложечки, это весьма шокировало Тоти. Ложки становились для меня какой-то проблемой в семействе Бардо... Несмотря на беспокойство, вызванное растущей привязанностью ко мне их дочери, Пилу и Тоти относились ко мне хорошо. Не без некоторого фатализма я был принят в качестве почетного члена семьи. Но это случилось, естественно, не сразу.

Сначала посещения улицы Помп были еженедельными. Лишь месяц спустя мне разрешили повести Брижит в кино на восьмичасовой сеанс. Мы тем временем разработали стратегию тайных свиданий. Нашим штабом стала квартирка на третьем этаже в доме 15 на улице Боссано, отданная моему лучшему другу Кристиану Маркану отцом. Господин Маркан издавал ежегодник для коммерсантов, и Кристиан оплачивал квартиру услугами, наклеивая марки на тысячи конвертов. Подчас и я помогал ему в этом неблагодарном деле, отнимавшем раз в месяц немало времени.

Обстановка в комнате состояла из большого пружинного матраса, стула и столика. Разговаривая, мы ложились на матрас или сидели на полу. Абажур ночника был разрисован чернилами и цветным карандашом Жаном Жене. Кристиан предоставлял мне квартиру по первому требованию.

Было три часа дня, когда Брижит впервые пришла на свидание.

– Я должна была бы быть на уроке алгебры, – сказала она. – Но выбрала свободу.

Она прижалась ко мне и протянула губы. Я всегда поражался удивительной в ней смеси невинности и женственности, бесстыдства и застенчивости.

Время пролетело быстро. Надо было расстаться. Брижит спросила:

– Теперь меня можно назвать настоящей женщиной?

– Только на двадцать пять процентов.

Она слабо улыбнулась мне улыбкой Моны Лизы, думая об оставшихся семидесяти пяти. Я помог ей подделать подпись матери под извинением о пропуске занятия по алгебре и проводил до остановки автобуса.

На обратном пути дорогу мне перегородила консьержка мадемуазель Мари, пятидесятилетняя и 95-килограммовая особа, которую боялись все жильцы.

– Это что за малышка? – спросила она со своим типично парижским говорком.

– Подружка, – ответил я. – Очень приличная девушка.

– Это респектабельный дом, – проворчала она, – надеюсь, вы не превратите его в бордель.

У меня была купюра в тысячу франков, которую я сунул ей в карман. Деньги производили на м-ль Мари болеутоляющее действие. Коли я собирался и впредь встречаться с Брижит, ничего не оставалось, как подкупить этого цербера. И она успокоенно удалилась в свое логово, то есть в привратническую.

Во время второго визита Брижит снова спросила:

– Меня можно назвать женщиной?

– На пятьдесят процентов, – ответил я. После третьего раза я мог ей уже сказать:
– На сто процентов! Брижит захлопала в ладоши, подбежала к окну и распахнула его.
– Я настоящая женщина! – крикнула она прохожим, которые, подняв головы, так и застыли на месте.

В своем восторге Брижит забыла о том, что была совершенно нагая.

4

Ничто так не возбуждает страсть, как необходимость сохранять тайну. Своей непримиримостью г-н и г-жа Бардо превратили первую любовь дочери в эпическую драму. Брижит была Джульеттой, я – Ромео.

Вынужденные утаивать два часа для того, чтобы побыть наедине, мы проявляли ловкость тайных агентов. Нашими соучастниками были Марк Аллегре, моя мать и Кристиан Маркан. Среди вражеских шпионов, которых следовало опасаться, находились Мижану (младшая сестра Брижит), друзья семьи Бардо и все те, кто сознательно или не подумав о дурном могли сказать, что видели нас вместе. В этих условиях заниматься любовью становилось не только удовольствием, но и опасной игрой, неким достижением.

Секс не был для Брижит синонимом греха. Она не испытывала никакой психологической травмы, представляя себе картину, что отец вмешается в ее постельные дела. У нее не было никаких религиозных страхов в духе иудо-христианской дребедени, увязанной с понятием о наслаждении. Она была Евой еще до проявленного боженькой гнева в саду Эдема. И никогда не считала обнаженное тело женщин их тайным оружием соблазна. Нагота была в ее понимании той же улыбкой или краской для цветка. В этом смысле она была скорее художником, чем его моделью. Или подчас и тем и другим.

Впрочем, ее натуре было присуще одно противоречие. Такая свободная в обращении со своим телом, она была в первую очередь романтиком. Чувства, окружающая обстановка, декорации имели для нее такое же значение, как и наслаждение. Она всегда страдала от того, что не принадлежала одному мужчине. Брижит так и не удалось справиться с парадоксом: оставаться верной, следуя велению своего тела и своего сердца.

Точно так же в общественной жизни существовали две Брижит: одна – приверженная буржуазным ценностям с потребностью быть экономной, боязнь приключений, стремлением к скромным размерам квартиры, с очевидным пристрастием к мебели в стиле рококо, и безделушкам, и другая – современная женщина, идущая неизменно впереди своего времени, независимая, способная вызвать во Франции и на всех континентах скандал. Для своей гениальности она явно не была оснащена соответствующим образом.

Естественно, она не могла и предположить, что окажет такое влияние на современников своими ролями в кино и успехом у медиа. Если бы ее предупредили оракул или волшебное зеркальце, испугавшись, она бы наверняка не стала актрисой.

Безнаказанность придает преступникам нахальства, они рано или поздно попадают. Так произошло и с нами. Мы очень рисковали, обмениваясь ласками в коридоре, лифте, сидя позади рулившего своей машиной Пилу... Более опасными были некоторые ночи во время каникул. Я снимал тогда номер в том же отеле, что и семья Бардо, и босоногая Брижит ночью приходила ко мне.

Зима 1950/51 годов чуть не стала для нас фатальной. Дело было в Межеве, а местом преступления стал отель «Межеван», очень милый, выстроенный из дерева со скрипучим паркетом. Моя комната помещалась как раз над номером г-на Бардо. Но такая топографическая подробность была мне сначала не известна.

Разбуженному скрипом паркета Пилу показалось, что он слышит наверху голос дочери, и он на рысках бросился ко мне. К счастью, Брижит услышала его шаги, и мы успели

выскочить со второго этажа прямо в снежный сугроб. Только молодость и жар сердец спасли нас тогда от воспаления легких...

Подобно солдатам, которые считают себя неуязвимыми, уверенными, что пули предназначены соседу, эта тревога не прибавила нам осторожности.

Однажды, придя на улицу Помп с плановым визитом, я узнал от Брижит, что родители куда-то уехали, а Мижану – у бабушки. Лукавый демон удержал нас в большой гостиной вместо того, чтобы отправиться в комнату Брижит.

«О время, попридержи свой бег», – сказал поэт. В тот день мы немного пренебрегли им. Когда внезапно открылась входная дверь, мы едва успели спрятаться за балконную штору.

В салоне появился г-н Бардо в сопровождении крупного банкира, его жены и сына, слегка приударявшего за Брижит. Мадам Бардо отправилась на кухню похлопотать об ужине.

Сын банкира заговорил о наивности и хорошем воспитании Брижит как о качествах, редких у современных девушек. Потом оба отца обратились к менее фривольному сюжету – к опасности коммунизма во Франции. Жена банкира интересовалась, подлинная ли мебель в стиле Людовика XVI в салоне или хорошая подделка.

Внезапно она спросила:

– А где малышка Брижит?

– Наверное, в своей комнате, – сказал Пилу. – Схожу-ка за ней.

Брижит проявила полное хладнокровие. С достоинством актрисы на подиуме она отбросила портьеру и вышла на середину комнаты.

– Привет, – произнесла она.

После того как прошло первое удивление, Пилу спросил:

– Что ты делала за портьерой?

– Пряталась. Не хотела показаться в растрепанном виде. Сами бы накричали на меня.

Сын банкира рассмеялся, и господин Бардо притворился, что восхищен характером дочери. Брижит увела их в свою комнату, чтобы показать коллекцию плюшевых зверушек, и мне удалось никем не замеченным покинуть помещение.

Господин и госпожа Бардо владели в Сен-Тропе маленьким домом в верхней части улочки, стены которого были увиты диким виноградом.

Этот маленький порт на Лазурном берегу славился своим очарованием, песчаными пляжами, домами Колетт и художника Денуайе де Сегонзака. Туристы и отпускники еще не завладели им. Модными были Канн, Антиб, Жуан-ле-Пэн, набережная Прогулки Англичан в Ницце и Монако. Я обнаружил сей райский уголок еще мальчишкой во время одной из велосипедных прогулок во время войны. И стал приезжать туда ежегодно.

Летом 1950 года я отыскал Брижит под сосновыми кронами около пустынной бухты. Она опасалась стрекоз, которые замирали, пока мы целовались. Эти большие насекомые, вероятно, с уважением относились к музыке наших вздохов, но Брижит утверждала, что они – шпионы, оплаченные ее отцом.

Мы поймали двух стрекоз, назвав их «Шпионка № 1» и «Шпионка № 2». Я пообещал никогда не расставаться с последней, которую Брижит с пристрастием расспрашивала при каждом свидании. Она устраивала мне сцены ревности, утверждая, что «Шпионка № 2» сообщила ей, будто застала меня в объятиях шведки или дочери зубного врача.

Для ревности у Брижит, надо признать, были основания. Я вел в Париже отнюдь не монашеский образ жизни. Часто разъезжал. Иногда по заданию Марка Аллегре, а подчас просто так. Но я искренно любил Брижит, хотя и не хотел жертвовать своей свободой. А той ничего не оставалось, как ждать под охраной родителей совершеннолетия.

Перед очередным моим отъездом она требовала, чтобы я фотографировал ее. Одетую и обнаженную. Дабы мог увезти с собой ее лицо, ее улыбку, ее тело. Брижит писала мне ежедневно. Это была смесь детского лепета, страстных признаний в любви и эротических

фантазий, описаний романтических снов относительно нашего будущего и бунтарства против не понимавших ее родителей. При этом повторялась одна и та же фраза: «Ты ведь будешь любить меня вечно?»

Тогда я еще не знал, что женщины, мечтающие о вечной любви, особенно уязвимы перед лицом новой страсти. Ее фраза означала: «Не дай мне влюбиться в другого». Большинство мужчин воспринимают эти слова как доказательство своей исключительности. А все как раз наоборот. Романтично настроенные женщины ищут абсолютную любовь, но не встречают ее ни с одним мужчиной. Они говорят о «вечности», а на деле переходят от одного настоящего к другому.

Брижит мечтала заключить духовный и манихейский контракт. Она хотела читать свою жизнь по звездам. Она же будет солнцем, неизменно приносящим жизнь и тепло, со своими спутниками, вращающимися вокруг по законам ее сердца.

Самой трудной проблемой были ее месячные. Сегодня трудно себе представить девичий страх при отсутствии надежной контрацептики. В иных семьях беременность означала проклятие, бесчестие, перспективу остаться без крова. В лучшем случае вынужденное, заранее обреченное на неудачу замужество. Извечный кошмар. Матери-одиночки не пользовались никакой помощью со стороны общества. С тех пор как во времена Христа неверных жен побивали камнями, мало что изменилось.

Через год после знакомства с Брижит я поселился вместе с Кристианом Марканом в прелестной квартирке на острове Сен-Луи в доме № 6 по Орлеанской набережной. Из окна на девятом этаже были видны башенки Собора Парижской Богоматери, Пантеон, Сена и крыши домов на горе Святой Женевиевы.

Хозяйка квартиры Эвлин Видаль, только что расставшаяся с мужем, выделила нам две комнаты, окна которых выходили на крыши соседних домов. Эвлин была очаровательной, забавной молодой женщиной с коротко стриженными темными волосами, любившей развлечения, к тому же богатой после развода и безмерно счастливой по этому поводу. Все считали, что мы ее любовники и что она приютила нас поэтому. Слышать такое было лестно, но все обстояло иначе. Просто мы обольстили Эвлин, проведя целую ночь в разговорах, слушая Дэвида Брубека, Телониуса Монка и раскрашивая в розовые и фиолетовые цвета омерзительные резиновые листья, украшавшие входную дверь. Когда взошло солнце, Кристиан сказал: «Вот черт, Эвлин, мы совершенно забыли тебя трахнуть».

Ей нужны были друзья, и мы остались у нее жить. Квартплата была чисто символическая. Да мы всегда и забывали о ней.

Брижит часто приходила ко мне на Орлеанскую набережную. Облокотившись о подоконник, мы разглядывали однажды Париж. Шел мелкий дождь, придавая блеск и некоторую враждебность покрытым свинцом крышам. Внезапно Брижит сказала:

– Знаешь, у меня задержка на один день. По утрам кружится голова и подташнивает. Вероятно, я беременна.

Я успокоил ее, напомнив об эпидемии гриппа в последние недели. Я только что вылечил Эвлин и Кристиана, сделав им уколы витамина С. К подобной терапии тогда никто не прибегал. (Я всегда был в курсе новейших методов лечения. Уколы делать я научился в 13 лет в Верхней Савойе во время оккупации. В горах мы не всегда могли прибегнуть к врачебной помощи.)

Слегка обеспокоенная, Брижит, однако, согласилась на укол витамина С.

– Думаешь, поможет? – спросила она. – Мне не будет больно?

Она отправилась в салон, а я на кухню прокипятить шприц. Внезапно вбежала Эвлин с криком, что Брижит умирает, что она позеленела.

Я бросился в салон. Брижит лежала на диване. Левая щека, часть рта и пальцы рук были зеленые.

– Мне трудно дышать, – произнесла она. – Я умру. Я уже зеленая. – Взяв мою руку, она прижала ее к груди. – Я не хочу умирать, Вадим.

По моим представлениям, зеленым становишься после кончины. Но эти соображения я оставил при себе и сказал:

– Пустяки, дорогая, тебя укусил паук.

Однако я был в ужасе. Эвлин уже вызвала доктора Лефранка, чей кабинет был на третьем этаже. Брижит не отпускала мою руку.

– Не говори родителям, что я мертва. Они с ума сойдут.

Я с трудом представлял свое появление на улице Помп, держа на руках Брижит и говоря: «Ее сердце больше не бьется, она не дышит, она зеленая, но это пустяки. Она не умерла».

Вошел доктор Лефранк и склонился над ней. Погладил лоб Брижит, приподнял веко, пощупал пульс, выпрямился, посмотрел на руки, которые поднес к губам, и сказал:

– Это краска.

Поняв, что она не умерла, Брижит вспомнила, что, оставив меня, пошла в ванную причесаться. А там как раз были заново окрашены стены. Она просто не заметила, как дотронулась до стены и двери.

Холодная война была в полном разгаре. Американские войска вторглись в Корею. Французский экспедиционный корпус терпел первые поражения под Као-Бангом и Ланг-Соном. Отдавая себе отчет, что политическая обстановка внутри страны и за ее пределами делает перспективы на будущее весьма сомнительными, в свои двадцать лет я старался максимально пользоваться радостями жизни. Несмотря на ежемесячные тревоги и страх, что родители Брижит могут застать нас на месте преступления, я был счастлив.

Брижит бросила лицей и посещала частные курсы, чтобы располагать временем для занятий танцем.

Иногда я заходил на студию Уолкера посмотреть, как она занимается, и был в полном восхищении. Изящная, воздушная, она всю себя отдавала этому искусству. Никогда потом я не видел ее на студии, перед камерой в такой согласии с самой собой. Если бы по причинам, о которых я скажу ниже, она не рассталась с балетом, она несомненно могла бы стать одной из самых великих танцовщиц своего времени. Я знал, что после неудачи с пробой на «Срезанных лаврах» она поставила крест на кино и теперь всецело отдавала себя балету.

Ни ее среда, ни наследственность не предрасполагали Брижит к артистической карьере. Но несмотря на полученное воспитание у Брижит сформировался весьма независимый характер. Имея антиконформистскую натуру, Брижит стремилась самоутвердиться вопреки принятым правилам морали, которая, по ее мнению, совершенно устарела. О родителях она говорила, что они живут в эпоху динозавров. Вероятно, именно потому, что религия и ежевоскресная месса были ей навязаны, как нечто обязательное, не подлежащее обсуждению, Брижит с детства испытывала аллергию к церкви и обрядам.

Не догадываясь относительно характера моих отношений с его дочерью, господин Бардо проявлял тем не менее все большую нервозность. Разрешая мне сводить Брижит в кино, он навязывал нам в качестве сопровождающей Мижану. Однажды та донесла, что видела, как я целую ее сестру в метро. Пилу пригласил меня в свой кабинет.

Он был очень бледен. Губы сжаты.

– Я жду, – произнес он.

– Чего? – спросил я, чтобы потянуть время.

– Я жду объяснений по поводу поцелуя в метро.

Я заметил на его настольном календаре дату 21 июня и сказал:

– Я поздравил ее с началом лета.

Подумав немного, он произнес:

– Поцелуй разрешен в полночь 31 декабря, а не в первый день лета.

– Я решил ввести новый обычай, – возразил я.

Он не мог сдержать улыбки и покачал головой. Но в течение двух недель мы были лишены права ходить в кино.

Брижит было все труднее сносить принуждение со стороны родителей. Чувствуя себя ущемленной, она нервничала и, не видя конца своим мучениям, теряла надежду, часто плакала, и мне никак не удавалось ее успокоить. Однажды мы задержались на три часа, возвращаясь домой. Господин Бардо следил за нами с балкона. Он был в истерике. В то время как я прощался с Брижит перед дверью дома, нам на голову упала горсть монет.

– Ай! – воскликнула Брижит, подобрав двухфранковую монету, упавшую ей на голову. – Это на завтрашнее метро.

Открыв ей дверь, он устроил страшную сцену.

– Я больше не могу вам доверять, – заключил Пилу. – Ты больше никогда не увидишь Вадима!

На другой день, не ведая о запрете господина Бардо, я позвонил в дверь. Открыв ее, Брижит прижала палец к губам и сказала, что мне вход воспрещен. Я как раз собирался уехать на время к маме в Ниццу из Парижа, сказав, что мне плохо работается на Орлеанской набережной, что вдали от столичных соблазнов я быстро закончу обещанный Марку Аллегре сценарий и через три дня вернусь.

Брижит спокойно и грустно посмотрела на меня. Потом, поцеловав меня на прощание в губы, она глядела, как я спускаюсь вниз в лифте. Если бы она мне рассказала про сцену с отцом накануне, я бы наверняка никуда не уехал. А она лишь бросила на прощание вместе с воздушным поцелуем: «Не забывай бедную Софи!»

В тот самый момент, когда я садился в поезд Париж—Ницца, Мижану, Тоти и Пилу собрались поглазеть на впервые за одиннадцать лет подсвеченные памятники – Триумфальную арку, собор Парижской Богоматери, обелиск на площади Согласия и Пантеон. Эта «премьера» призвана была отметить окончание эпохи военных лишений. Париж снова становился Городом огней.

– Поторопись! – крикнула Мижану. – Ты еще не причесана.

– Я останусь дома, – сказала Брижит. – Я плохо себя чувствую.

Проводив родных, Брижит вернулась в свою комнату. Сидя на постели, она гладила старого плюшевого мишку, с которым не расставалась с пяти лет. Смотрела на стены, на которых были приколоты семейные фотографии и ее в пачках совсем маленькой рядом с программкой Реннской оперы, на сцене которой состоялось ее первое публичное выступление. Коллекция плюшевых зверушек была разложена на столике из черешневого дерева вместе с пачкой почтовой бумаги, коробкой для нот и несколькими засохшими листьями.

Она встала и подошла к овальному зеркалу, купленному на блошином рынке. Брижит любила старые вещи, новые ее пугали.

«Бедняжка Софи», – сказала она своему отражению.

Внезапно почувствовав себя очень плохо, она легла на постель. Ее била лихорадка. «Я умру», – подумала она.

В тот же самый момент, сидя в вагоне поезда, уносившего меня в Ниццу, я испытал чувство внезапного страха. Отложив книгу, я задумался о причине этого внезапного недомогания, от которого у меня сильно билось сердце. Мне показалось, что полированные стены купе приблизились ко мне. Я словно оказался заперт в камере. Я думал о Брижит. Мне захотелось вернуться в Париж. Обнять ее. Я никогда раньше не испытывал подобной физической и одновременно психологической пытки.

Помнится, у меня возникло совершенно нелогичное желание выйти из вагона, чтобы вернуться в Париж. Но обратного поезда не было до утра. Я не мог уснуть всю ночь. Потом, когда я увидел, как встает солнце над кипарисами и оливковыми деревьями Воклюза, мои страхи утонули в синем море, появившемся за холмами Кассиса.

Мне известно, что подобный феномен телепатического общения бывает у близнецов. Со мной это тоже происходило несколько раз, но только в связи с Брижит.

После того как шестнадцатилетняя Брижит поправилась и снова обрела радость жизни, ее мать сказала:

– Если через два года ты будешь по-прежнему любить Вадима и он тебя, мы позволим тебе выйти за него замуж.

На вилле мамы не было телефона, я позвонил Брижит с почты. Она сказала:

– Я люблю тебя. Заканчивай скорее работу и возвращайся побыстрее, мой дорогой. Мне плохо без тебя.

Моя мать любила Брижит, но говорила: «Она внушает мне страх», – считая, что та слишком жадно стремится к счастью. «Брижит никогда не вырастет. Думаю, она навсегда останется ребенком. Чтобы быть счастливым, надо уметь любить. Она страстная натура, но не умеет любить». Думаю, мама хотела сказать, что, слишком на многое надеясь, слишком многого требуя от жизни и любви, Брижит умела быть счастливой лишь в короткие мгновения. Я называл это любовной хворью. И сравнивал ее с Ланселотом, рыцарем грез, со слишком способным ребенком, отправившимся на поиски невозможного. Грааль Брижит был не спасением в мужчине, а лишь ее собственным счастьем. Она это бессознательно понимала: но подобному волшебному камню, идеально отделанному бриллианту не было места на земле.

Когда я вернулся из Ниццы, Брижит сказала, что не хочет ждать восемнадцатилетия, чтобы жить со мной. Она где-то вычитала, что в Шотландии можно пожениться без согласия родителей, не будучи совершеннолетними. Стоило большого труда убедить ее, что подобный, пусть и романтичный и необыкновенный, брак не будет узаконен во Франции. Мне претила мысль быть отправленным господином Бардо в кутузку за соращение малолетней. Перспектива увидеть своего любовника за решеткой напугала Брижит. Она решила потерпеть два года.

5

После нашего официального обручения и ее восемнадцатилетия свадьба была назначена на декабрь 1952 года.

По случаю рождества она впервые получила разрешение провести восемь дней со мной. Оставив свой дом в Ницце, моя мать сняла маленький домик в трех километрах от Сен-Тропе, где мы могли остановиться, а сама взяла на себя роль надсмотрщика. После долгих переговоров Пилу вручил ей список неукоснительных правил, которых нам следовало придерживаться:

...Брижит и Вадим не имеют права уходить из дома, не поставив в известность куда и зачем.

...Они имеют право на тет-а-тет лишь два раза в неделю.

...Возвращение домой – не позднее полуночи.

...Следить за одеждой Брижит. Не подавать ей первый завтрак, когда она в ночной сорочке.

Моя мать обещала соблюдать эти правила и сдержала слово.

Однако Пилу не учел главного. Ему было настолько очевидно, что у нас будут отдельные комнаты, что он не дал никаких инструкций на сей счет. Таким образом, мы с Брижит впервые спали в одной постели, не вздрагивая при малейшем шорохе в коридоре.

Я подарил маме машину «бугати» с откидным верхом, заплатив 50 000 франков. На этой старой развалюхе мы ездили в порт Сен-Тропе, играли с приятелями в «детский футбол» в тех самых бистро, которые сегодня оккупируют миллиардеры: «Горилла», «Пересадка», «Кафе искусств». Мы колесили по проселочным дорогам, подчас вынужденные подталкивать «бугати», если она застревала на месте, словно упрямый осел. А на обратном пути набирали хворост для камина в нашей комнате. И занимались любовью в отражении его пламени.

Дата возвращения неумолимо приближалась. Брижит испытывала что-то похожее на шок. Ей не хотелось ехать в Париж.

– Увези меня куда-нибудь, – просила она.

– Куда?

– В Италию, Испанию, на Таити. Если ты отвезешь меня к родителям, мы никогда не будем счастливы.

Это было ребяческое неблагоразумие, но в каком-то смысле она была права. Ее не следовало отпускать, не следовало принимать всерьез гнев и угрозы родителей. Брижит исполнилось 17 лет, и я считал, что наказание за соращение малолетней мне уже не угрожает. Я и сам был молод. Но возобладал разум. Был ли это только разум?

Вернувшись в Париж, Брижит очень переменилась, в ней словно что-то надломилось. У нее в руках был Грааль, а она его теряла.

Всякий раз, отпуская вожжи, Пилу тотчас стремился исправиться, компенсируя свой либерализм вспышками пугавшего Брижит гнева. Однажды она позвонила мне на Орлеанскую набережную, говорила шепотом, и я понял, что случилось что-то серьезное.

– Мне надо с тобой немедленно встретиться.

– Приезжай, я жду тебя.

– Не там – слишком опасно.

– Тогда на площади Сен-Мишель, при выходе из метро. Идет?

Через полчаса мы встретились в условленном месте. Брижит была бледна и бросилась мне на шею.

– У тебя есть револьвер? – спросила она.

– Тебе прекрасно известно, что нет. А в чем дело?

– Тебе надо им обзавестись немедленно.

Из ее сбивчивых объяснений я понял, что Пилу вызвал ее к себе в кабинет, открыл ящик стола и сказал: «Смотри». Брижит наклонилась, чтобы разглядеть.

– Что это такое? – спросил Пилу.

– Хм... Пушка, – слегка озадаченно ответила Брижит.

– Не смей говорить «пушка», это называется револьвер, – уточнил Пилу. Так вот, если я когда-нибудь узнаю, что ты была любовницей Вадима, я убью его.

Слишком взволнованная, чтобы должным образом оценить угрозу, Брижит отправилась к матери, которая как раз была занята макияжем.

– Мапочка, Пилу перегрелся на солнце.

– Вряд ли, – ответила Тоти. – Уже две недели идет дождь.

– Его нельзя выпускать из дома.

И Брижит рассказала о состоявшемся разговоре.

– Я совершенно согласна с твоим отцом, – спокойно заметила Тоти. – Могу добавить, что, если тебе придет в голову переспать с Вадимом до свадьбы, а Пилу передумает, револьвером воспользуюсь я.

– Вы шутите?

– Ничуть.

Я был совершенно уверен, что ни Тоти, ни Пилу никогда не доведут дело до суда ради спасения чести дочери. Они просто пугали ее, не зная, что опоздали.

Покинув площадь Сен-Мишель, мы двинулись вдоль набережной. Никакие аргументы не убеждали Брижит.

– Относительно мамы ты, вероятно, прав, – сказала она. – Но я знаю Пилу, он способен на все.

– Допустим, я приобрету револьвер и твой отец действительно явится вооруженным. Разве я смогу его убить?

– Я предпочитаю остаться сиротой, чем вдовой.

– Ты не будешь вдовой. Ты не замужем.

– Не придирайся к словам, – рассердилась Брижит. – Замужем или не замужем, я все равно буду вдовой.

Оставался последний аргумент.

– А что ты скажешь нашим детям, когда они вырастут? Что их папа убил дедушку?

– Я не хочу детей.

Чтобы ее успокоить, я позвонил приятелю Жан-Полю Фору, чей брат коллекционировал оружие, и тот одолжил мне кольт, бывший на вооружении американской армии. Мне даже не пришлось его зарядить. Но подобные детали Брижит не интересовали.

Чтобы заслужить руку принцессы, мне надлежало выполнить два условия: найти постоянную работу и выучить катехизис.

Мои отец и мать были вольнодумцами. Но, чтобы доставить удовольствие бабушке Племянников, меня трех лет какой-то поп окунул в купель и объявил православным. Таким образом, мне не надо было принимать католичество. Тем не менее, чтобы обвенчаться в соборе и воспитывать детей в лоне церкви их матери, пришлось изучать Новый и Ветхий Завет, лютеранские и кальвинистские ереси (дабы спасти будущих детей от происков дьявола) и выучить более двадцати молитв на все случаи жизни, которые читают перед трапезой, отходя ко сну, при отпевании, в знак раскаяния и др. Мне предстояло также пойти на исповедь. Все это очень забавляло Брижит, тем более что священник, приставленный ко мне в качестве ментора, был тот самый, который пестовал ее в раннем детстве. Сей кюре был вполне светским и искренним человеком. Я узнал от него много полезных вещей, способных удовлетворить мое извечное любопытство.

А вот найти постоянную работу оказалось не таким простым делом. Во Франции, как и в США, студии не заключают годовых контрактов. Да я бы и не согласился на подобное рабство. Как быть?

Оставалась журналистика. Тогдашний директор «Пари Матч» Эрве Милль был одним из самых блестящих людей своего времени. Вместе с братом Жераром, способным художником, они принимали в своем особняке на улице Варенн кого угодно. Это был самый открытый и одновременно закрытый салон Парижа. Открытый в том смысле, что ни возраст, ни состояние, ни известность не служили критериями для того, чтобы перед ними не раскрылись его двери, а закрытый – потому что для того, чтобы быть там принятым, в расчет принимались только талант, ум, способность оригинально мыслить и проявлять дерзость. Завсегдатаями на улице Варенн были молодые люди и девушки, из которых многие прославились как репортеры, фотографы, актеры. Здесь бывали гениальные приживалы, которые возвели свой отказ работать в степень искусства, непризнанные поэты. На улице Варенн можно было встретить Этьена де Ротшильда, принцессу Савойскую, Али Хана, Жана Жене, Жана Кокто, Марлона Брандо.

Жерар и Эрве Милль обожали Брижит. В тот вечер, когда я представил ее своим друзьям, нас сопровождал ее отец. Пожав руку Мари-Лор де Ноай, генералу Корнильон-Молинье, Жюльетте Греко и молодому американскому сенатору Джону Ф. Кеннеди, успокоенный Пилу покинул нас.

Среди гостей оказалась женщина, чьи любовные приключения неизменно привлекали внимание всех газет. Директриса театра Симона Беро вела бурную жизнь. Достигнув пятидесяти лет, она остепенилась, но продолжала забавлять своими выходками. Чтобы насмешить собравшихся, она решила выбрать в качестве объекта Брижит.

– Вы девственница? – внезапно спросила она ее, надеясь смутить малышку и заставить покраснеть. Но не такую напала.

– Нет. А вы, мадам?

Последовал дружный смех собравшихся.

Брижит выиграла матч в первом раунде.

Особняк на улице Варенн стал местом, где мы могли встречаться без всякого страха. Господину Бардо было невдомек, что тут говорили не только об искусстве и политике и что вечера проходили очень весело.

Впрочем, возвращаться домой Брижит должна была все равно к двенадцати ночи.

Эрве Милль взял меня в штат «Пари Матч», и я с удовольствием занялся журналистикой. Зарплата была весьма скромная: 80 000 франков (плюс премиальные и деньги на разъезды).

Пока ТВ не перехватило власть у прессы, такие издания, как «Пари Матч», занимали важное место, это было одно из самых престижных изданий. На зависть своим коллегам, здесь успешно работали человек двадцать репортеров и фотографов, готовых на все, способных на все, располагавших возможностями, которые и не снились большинству журналистов. Мы составляли настоящую шайку, у членов которой были свои правила, свой язык (большинство словечек, рожденных тут, потом вошли в словарь), свой специфический стиль поведения.

Сфера наших интересов была очень обширная: искусство, спорт, революции, войны, несчастные случаи или природные катаклизмы – нас видели повсюду. В то время как коллеги натывались на закрытые двери, короли и принцессы, парашютисты Индокитая, наемники, «звезды» и политики давали нам интервью.

Меня охотно приняли в этот частный клуб, тем более что большинство репортеров и фотокорреспондентов были давно знакомы. Но главным образом потому, что я тоже принадлежал к расе умеющих выпутываться, благородных и циничных мальчишек, прошедших суровую школу жизни при оккупации.

Но приключение подчас обходится очень дорого. За десять лет погибли десять человек, больше половины моих друзей. Одни в дорожных авариях и авиакатастрофах, другие – в Индокитае, в Африке... в Будапеште, на Суэце и на Кубе...

Хотя уезжал в командировки всегда я, случилось однажды, что наши роли поменялись. С согласия родителей, которым был знаком владелец лайнера «Иль де Франс», Брижит согласилась танцевать для участников круиза к испанским островам в Атлантике. С нею поехала подруга Капюсин. Та не разыгрывала банальную дуэнью, ибо была одной из самых известных моделей в начале пятидесятых годов. Но Капюсин пообещала не спускать с Брижит глаз. Несмотря на раскачивающийся пол и несколько неудачных па, прима-балерина «Иль де Франс» имела огромный успех. Ей было очень весело. Но именно после этого круиза она решила бросить балет.

– Я не смогу быть балериной и вечно разлучаться с тобой.

Это было непростое решение. Она понимала, что отказывается от своей заветной мечты, своего единственного желания – стать прима-балериной. Никогда потом, даже после

самых крупных ссор, она не упрекала меня за эту жертву. Она перевернула страницу, сделала выбор и отвечала за этот поступок.

У Брижит любовь всегда стояла впереди призвания.

После того как Брижит решила расстаться с балетом, мысль о том, чтобы начать сниматься в кино, уже не казалась ей столь нелепой. Ей было известно, что я стремлюсь сделать карьеру режиссера. Став актрисой, она могла бы работать вместе со мной.

Прежде, бывая в гостях у Марка Аллегре и в ряде других случаев, Брижит видела, что привлекает внимание продюсеров и режиссеров. Но неизменно отказывалась от их предложений. Теперь она дала согласие сняться в роли наивной девчонки в неосентиментальной и, к счастью, обреченной на забвение комедии.

Ее партнером был Бурвиль, гениальный комик, но тогда игравший лишь второстепенные роли. Однажды мы заговорили с ним о Брижит, и он сказал:

– Она будет «звездой». Жаль только, что Брижит не любит эту профессию.

Помимо того, что съемки велись в 80 км от Парижа, ни название картины «Нормандская дыра», ни сценарий, ни режиссер не радовали ее. Находясь на некотором расстоянии от Парижа, она была избавлена от бдительного ока родителей, но зато была в часе езды от своего возлюбленного. Начав работать в «Пари Матч», я приобрел машину «симка аронд», куда менее живописную, чем «бугати», но зато обладавшую большой скоростью и надежностью.

Первый фильм не стал для Брижит откровением. Она охотно и старательно выполняла указания режиссера, но считала дни до окончания съемок. А также до 20 декабря, даты нашего бракосочетания.

– Вечно считаешь минуты, отделяющие тебя от счастливого события, забывая, что смерть все равно вычтет их из твоей жизни, – говорила она. – Смерть – это единственный банкир, который обогащается на потере капитала.

Спустя несколько лет Брижит вернулась к разговору о смерти:

– Она сводит меня с ума! Так что иногда появляется желание смешать карты и добраться до нее раньше времени, без предупреждения. Вызвав при этом ее ярость, можно будет сказать: а я тебя перехитрила!

Каково же было удивление постановщика фильма Жана Буайе, когда он увидел, сколько журналистов съехалось на съемки его фильма ради Брижит Бардо. Конечно, это произошло не без моего участия, но я ведь не мог оказать затем влияние на их оценки. То обстоятельство, что я всего два месяца работал в «Пари Матч», не могло отразиться на притягательной силе Брижит. Я первый попал под ее обаяние, и не требовалось слов, чтобы понять тот факт, что маленькая романтическая балерина оказалась настоящей сиреной. Ее голос, обнаженное тело и пение притягивали моряков к подводным камням модернизма. Она становилась известной еще до того, как ее увидели.

Налицо была какая-то загадка Бардо. Но она совершенно не отдавала себе в этом отчета. И только повторяла: «Какая скучища эти журналисты!»

Она была тогда брюнеткой.

Спустя две недели ей предстояло отправиться на Корсику сниматься в картине «Манина, девушка без покрывала». Постановщик картины был с большими амбициями. Он хотел снять эротический фильм. Цензура не помешала всем увидеть Брижит в одном бикини, выходящей из моря.

Кругом стали поговаривать о неотразимом обаянии малышки Бардо.

Столь подверженные всяческим условностям, Пилу и Тоти были поражены, увидев дочь на экране в малюсеньком бикини. Эти благопристойные люди со своей моралью решительно отказывались измениться.

Я посоветовал Брижит сняться в этих фильмах, прекрасно сознавая, что им не грозит оказаться в Синематеке господина Ланглуа. «Раз ты решила сниматься в кино, – сказал я

ей, – следует начинать с чего-то попроще, без претензий. Никто не осуждает художника, работающего по воскресеньям на площади до тех пор, пока ему не взбрет выставиться в модной галерее».

В качестве примера я приводил судьбу некоторых актеров, чья карьера, начавшись у крупных режиссеров, обрывалась очень быстро. От их второго фильма ждали слишком многого, а они к этому не были подготовлены. Вот и приходилось начинать с нуля, с риском быть преданным забвению. «Не слушай людей, – говорил я, – которые советуют отказываться от предложений в надежде, что позвонит Рене Клеман, Анри-Жорж Клузо. Они ничего не смыслят в нашем деле».

Чтобы себя проявить, таланту нужно время. На свете мало Маяковских, Раймонов Радиге или Артюров Рембо. К тому же они умерли очень рано. А молодость является помехой для актеров.

В сентябре госпожа Бардо купила для нас маленькую квартиру, состоявшую из спальни, столовой и кухни.

– Я не собираюсь поощрять вашу лень, – сказала она мне. – Но вам нужно гнездышко, чтобы побороть свои дурные привычки. После свадьбы вы получите эту квартиру на три года.

Пилу по-прежнему проявлял бдительность. Он говорил мне:

– Некоторое время я думал о вас плохо. Вы порядочный человек. Как бы это ни звучало наивно и старомодно, но я счастлив, что моя дочь отправится в постель супруга девственницей. Дай-ка я тебя поцелую.

И он поцеловал меня на французский лад – в правую и левую щеки.

Этот человек из третичного периода, которого Брижит называла динозавром, очень мне нравился. Все разделяло нас, но я понимал его.

Спустя двадцать лет мы предали земле его прах на красивом морском кладбище в Сен-Тропе. Я только что вернулся из Штатов «вдовым» после очередного развода. Брижит не позвала меня на похороны, и я смешался с толпой друзей и зевак, направлявшихся к месту захоронения, чтобы попрощаться с Пилу. Его опустили в могилу, куда больше не заглянет солнце. Послышался звук, отделяющий будущих мертвецов от нынешних. И возникло молчание, призывавшее к тому, чтобы благоговейно подумать об усопшем. Увидев меня, Брижит обернулась и сказала:

– Видишь, как он со мной поступил?

Брижит так долго ждала и столько надежд вложила в этот брак, что он стал для нее наваждением, абстракцией. То было не началом новой жизни, а, скорее, окончанием периода страхов, неуравновешенности, повседневной фрустрации.

Случалось, что я оставался ночевать на улице Помп. После ужина мне стелили на диване в столовой.

Однажды, еще не совсем проснувшись, по дороге в ванную я услышал голос Брижит, обсуждавшей с матерью цвет занавесок в нашей будущей квартире. В это мгновение я особо остро осознал свою чужеродность, странную прививку на древе этой семьи. Я не принадлежал к их расе.

Когда я вошел в ванную, чтобы почистить зубы, туда тотчас пришла Брижит. Прижавшись ко мне и не обращая внимания на зубную пасту, она поцеловала меня в губы.

– О Вадим, – сказала она, – осталась неделя. Я так счастлива!

6

Подвенечное платье, сшитое у мадам О., модной портнихи с улицы Пасси, по рисунку Брижит, не уступало моделям «звезд» в коллекции Жака Фата или Балансиаги. Оно предназначалось для венчания в церкви Отея в воскресенье.

Гражданский брак был зарегистрирован накануне в мэрии XVI округа. Новобрачная была в юбке и пиджаке, новобрачный – в синем костюме с галстуком в тон.

Запутавшийся при произнесении моей фамилии, мэр выступил с речью, в которой подчеркнул значение международных браков для дела мира во всем мире. Он приветствовал наш союз как символ франко-русской дружбы. Брижит с трудом сдерживала смех. Выйдя из мэрии, она бросилась мне на шею.

– Наконец-то это случилось! Я госпожа Племянников...

К обеду на улице Помп были званы только члены семьи и несколько близких друзей.

К одиннадцати часам я отправился в спальню Брижит, где она меня дожидалась, лежа в постели в одной весьма романтической и полупрозрачной сорочке. Так и лучилась счастьем. Я присел рядом. Спустя полчаса явился Пилу.

– Мой дорогой Вадим, мне кажется, вам пора удалиться.

– Куда удалиться? – ничего не понимая, спросила Брижит.

– Мы постелили ему в столовой, – ответил Пилу.

– Но мы женаты, папа. Вы разве забыли? Вы расписались. Мама расписалась, свидетели тоже. Вадим сказал «да». Я ЗАМУЖЕМ... ЗА-МУ-ЖЕМ...

– Вы станете мужем и женой завтра после церкви, – невозмутимо произнес Пилу.

– Он сошел с ума! – воскликнула Брижит, выпрямляясь в постели. – Папа сошел с ума. Люди, на помощь! Пилу спятил!..

– Не разыгрывай девочку, Брижит, – произнес господин Бардо. Его лицо опасно скривилось, и рот превратился в тонкую прямую линию. – Сегодня утром состоялась лишь неизбежная формальность, не более того. Вадим станет твоим мужем завтра после венчания в церкви.

Брижит, пунцовая от возмущения, готова была взорваться.

– Я буду эту ночь спать с мужем. На улице, на тротуаре, коли понадобится!

Казавшаяся мне сначала комической, эта сцена стала приобретать драматический характер. Я попросил Пилу оставить нас одних.

– Только этого не хватало! – кричала Брижит. – Я жду этого права три года. Я замужем! Все по закону! Я буду спать и заниматься любовью с мужем в своей постели. Или в его, или Папы Римского, наплевать где! Я не останусь сегодня ночью одна!

– Ты ждала этого три года, – сказал я. – Обождешь еще одну ночь.

– Никогда! Сбросив сорочку, она подбежала к шкафу.

– Я оденусь, и мы уйдем.

Перехватив ее, я прижал Брижит к себе. Немного побрыкавшись, она успокоилась. Я объяснил, что в этот вечер мы не можем наплевать на волю родителей. Как ни смешно, но мы должны проявить здравый смысл. Я не хотел, чтобы она когда-нибудь пожалела, что порвала с родителями.

Брижит в конце концов успокоилась и даже рассмеялась.

– Значит, брачную ночь ты проведешь один в столовой? Такое может произойти только с тобой!

Так и случилось, что я провел эту ночь один на тесном диване, женившись на одной из самых очаровательных парижанок, о которой будет написано, что она была недостижимой мечтой всех женатых мужчин на земле.

Мы согласились на брачную церемонию в церкви, чтобы доставить удовольствие родителям Брижит. И были поражены, испытав волнение во время службы в набитой до отказа друзьями церкви. Орган, голос священника, резонировавший под куполом, свет, проникавший через витражи, магия сотен горевших свечей, торжественное настроение толпы – все это было, вероятно, театром, но театром, который волновал душу.

Мой шафер Марк Аллегре выглядел очень взволнованным. Мать и сестра, которых я не считал чувствительными к таким вещам, плакали. Брижит не спускала с меня глаз. Ее приоткрытые губы дрожали. Две слезинки медленно ползли по щекам.

К жизни нас вернули после церемонии вспышки фотоаппаратов и аплодисменты друзей. Прием в квартире Бардо очень удался.

С наступлением ночи мы спустились вниз на стареньком лифте без потолка, который так часто разлучал нас прежде. Чемоданы уже были в «симке-аронде». Уважая традиции, мы отправились в свадебное путешествие.

Доехав до Фонтенбло, Брижит попросила остановиться на краю шоссе.

– Мне страшно, – сказала она.

– Чего ты боишься?

– Всего. Я хочу вернуться в Париж на квартиру родителей.

Я не стал напоминать, что накануне она хотела сбежать из нее среди ночи. Я понимал, что этот внезапный кризис не был ни игрой, ни капризом. Будущее и дальние страны всегда пугали Брижит. Межев, куда мы направлялись, находился всего в пятистах километрах, а ее жизнь начиналась на обочине шоссе, которое вело в неизвестность.

Проплавав полчаса на моем плече, она успокоилась. И больше никогда не говорила о возвращении к родителям.

В конце 1952 года еще никто не знал, кто такой Роже Вадим. Не думаю, что статья, появившаяся три года назад, в которой говорилось обо мне как о самом молодом сценаристе Франции, оставила какой-то след. А Брижит, которая уже много снималась, еще никак нельзя было назвать «звездой». Поэтому мы были очень удивлены, увидев, как широко газеты осветили нашу свадьбу. В «Пари Матч» она занимала четыре страницы. До сих пор такой чести удостоивались лишь коронованные особы и «звезды». А я-то считал, что приглашенные на свадьбу друзья снимали для семейного альбома.

И это была еще одна загадка Бардо.

Мы зарезервировали номер в симпатичном отеле «Жерентьер». После нашего пребывания там справочник «Мишлен» прибавил отелю еще одну звездочку.

Наши первые раздоры начались во время партии в «монопольку». Всегда спокойный в самые трудные минуты жизни, я орал, проигрывая в этой детской игре, и Брижит возмущалась моей бессовестностью.

– Ты попал на улицу Мира и должен мне 95 франков.

– Я вытянул шестерку и нахожусь в отправной точке.

– Ты вытянул пятерку. Ты на улице Мира!

Я хороший лыжник, и Брижит было не угнаться за мной. Сидя на террасе ресторана, она загорала на солнце. Единственный вид спорта, который она признавала, был плавание брассом. Придя на футбольный матч, она никак не могла понять, почему все игроки бегут за одним мячом. «Надо дать им несколько, они перестали бы спорить», – говорила она.

Ночи в Межеве были оживленные и веселые. Но Брижит мечтала о скорейшем возвращении в Париж. Ей хотелось заняться меблировкой и отделкой нашей квартиры.

Для девушек, мечтающих постигнуть рецепт успеха, читателям, замороженным теми путями, которые приводят к славе, спешу сказать, что будущей международной «звезде» было в высшей степени наплевать на появление ее фото в «Пари Матч» и на новые кон-

тракты. Она мечтала о цветном ковре в гостиной и высчитывала шансы на получение от матери лиможского розового фарфорового столика.

Квартирка на улице Шардон-Лагаш была маленькая, но солнечная. Довольно широкий балкон, позволявший разместить там цветник, выходил на полицейский участок. Лифта в доме не было, и приходилось взбираться на четвертый этаж по узкой лестнице. Консьержка мадам Ледье была очень старая, очень нежная и очень сентиментальная особа. Ее лучшего друга и сожителя звали Тино. Это был длиной в семь сантиметров от клюва до хвоста серый соловей. Именно он бывал причиной нервных срывов своей хозяйки. Если Тино переставал петь, мадам Ледье не раскладывала почту по ящикам и не мела лестницу. Я так и не смог понять, зависело ли настроение Тино от перемены погоды или от психосоматических страхов. Несомненно было одно: комфорт жильцов дома 72 по улице Шардон-Лагаш зависел от него. Иногда по утрам мадам Ледье умилялась: «Он поет». И все понимали, что в течение недели в доме будет порядок.

Брижит принимала всерьез свои обязанности хозяйки дома. Родители одолжили нам квартиру, но без мебели. Первое время мы спали на матрасе на полу. Можно рассказать много трогательных сцен о том, как молодые супруги день за днем обустраивали свое гнездышко. По правде говоря, я не очень интересовался мебелью, шторами и кухонной утварью. Я даже не помню тот день, когда нам доставили постель. Я лишь досадовал, когда надо было выносить мусор, и жалел об отсутствии телефона.

У Брижит было странное понятие об экономии. Она тратила целое состояние на такси и могла поехать на другой конец Парижа за отрезом, который стоил на тридцать сантимов меньше, чем в соседнем магазине. Я ей как-то заметил, что ее экономия нам дорого обходится.

– Ты ничего не понимаешь, – ответила она. – Это вопрос принципа. Какой смысл платить за бархат 6,40 франков, когда его можно купить за 6,10.

Моей зарплаты хватало нам на жизнь, но не на оплату мебели. Брижит предложили сняться фильме. Для этого пришлось бы ехать в Ниццу. Перед ней встала серьезная проблема. Ей нужны были деньги, чтобы обставить квартиру, но не хотелось уезжать из Парижа. Поэтому она согласилась сыграть в пьесе Жана Ануя «Приглашение в замок». Это был настоящий вызов. Самые выдающиеся актеры мечтали играть в пьесах Ануя. Режиссер Андре Барсак неохотно уступил, как он считал, капризу автора. Справится ли с ролью неопытная дебютантка? Обычно не ходивший в кино, Ануй где-то увидел кусочек «Нормандской дыры». Брижит его удивила и пленила.

Уже на первых репетициях в театре «Ателье» она осознала, во что впуталась.

– Я с ума спятила, – сказала она мне. – Придется потерпеть с ковром и диваном. Я откажусь.

Мне удалось убедить ее не соскакивать с идущего поезда, и я помог ей, репетируя с ней дома, войти в образ героини. Я обещал ничего не говорить об этом Андре Барсаку, одному из самых уважаемых театральных режиссеров Франции. Такова уж гордыня великих людей. Она столь же чувствительна, как попка новорожденного.

И произошло чудо. В день премьеры Брижит удивила не только зрителей, но и своих партнеров. Ее реплики били в цель, она вызывала смех в нужный момент. А шарм, апломб и искренность заставили забыть недостаток опыта. Критики не признали в ней новую Сару Бернар, но не скрывали своего благожелательного впечатления. Это был удачный ход молодой дебютантки, о которой злые языки говорили, что своему успеху она обязана изяществу талии.

Этот успех не вскружил голову Брижит. Она объективно признавала, что хотя и справилась с ролью, но еще не созрела для театральной карьеры. К тому же ей не нравилось

играть каждый день много недель подряд одну и ту же роль. «Вот и подтверждение, что я не создана для театра», – говорила она.

Тем временем наша квартира приобрела вполне приличный вид, и мы часто приглашали к себе друзей. Брижит готовила еду, но не была искусной поварихой. Однажды, когда у нас была сестра Кристиана Маркана Лилу, из кухни повалил густой дым. Вспыхнул жир в кастрюле с тушеным мясом, и из духовки вырывались языки пламени. Лилу стала заливать огонь водой, а это только усугубило ситуацию. Потеряв голову, Брижит захлопнула дверь на кухню, где находилась ее подруга. Лилу стучала кулаками, но Брижит отказывалась отпустить ручку.

– Ты спятила! Сейчас же открой! – закричал я.

– Если я открою, сгорит моя мебель, – ответила она.

Я оттолкнул ее и спас Лилу от огня. С помощью тряпки мне удалось погасить пламя в зародыше.

Мы часто ссорились, и иногда весьма бурно. Но в этих ссорах было что-то ребяческое. Я вспоминаю, как мы ругались, как обижали друг друга, но совсем не помню из-за чего. Однако историю с дверью я не забывал никогда.

Жаркий спор, начавшийся однажды после ужина, превратился в ссору в гостиной и достиг своего апогея на кухне. Внезапно, без видимой причины, Брижит успокоилась. Это совсем было на нее не похоже и должно было бы насторожить.

– Ты забыл отнести мусор, – бросила она. – Сходи, мой дорогой, будь так добр. Я обожду тебя в постели.

Я схватил ведро и вышел. Но, едва переступив порог, осознал свою ошибку. Однако было уже поздно... Брижит заперла за мной дверь и задвинула засов. Я был в пижамных брюках. В таком виде не могло быть и речи, чтобы воспользоваться машиной и отправиться к кому-либо из друзей, к тому же у меня не было ключа. Не лучшим выходом из положения было устроиться на ночь на лестничной площадке с мусорным ведром в обнимку.

Я попробовал выставить дверь плечом, но такое получается лишь в кино. Тогда я придумал другой способ. Площадка была узкая, и можно было, прижавшись спиной к стене, упереться ногами в дверь. Ярость утратила мои силы, ибо дверь внезапно подалась. Напуганная Брижит умчалась в спальню, куда я последовал за нею. Не помню себя в таком гневе. Мне хотелось ее побить, но я никогда не смел поднять руку на женщину. И сейчас, несмотря на весь свой гнев, я не мог на это решиться. Я был недоволен сам собой. Тогда я нашел довольно экстравагантный, но тогда показавшийся мне оптимальным выход. Уложив Брижит на ворсистый ковер и набросив на нее матрас, я стал прыгать на том месте, где находилась ее задница. Гнев мой постепенно прошел. Брижит же долго дулась, но не из-за моих упражнений на матрасе (ей не было больно), а из-за выломанной двери, которую пришлось заменить новой.

Четыре года спустя, когда мы решились развестись, адвокат Брижит допытывался у нее, какие она может перечислить претензии ко мне.

– У меня к нему нет претензий, – ответила она.

– Коли вы разводитесь, значит, есть что-то, в чем вы можете его упрекнуть.

– Нет, ни в чем. Мы часто ссорились, но виноваты были оба.

– Послушайте, мадам, я должен представить судье какие-то основания. Постарайтесь вспомнить хоть что-нибудь.

– Ах, да, – сказала Брижит. – Есть одна вещь... Я буду этим попрекать его всю жизнь.

– Вот и прекрасно! Расскажите.

– Однажды он выломал дверь. А я только ее покрасила...

В свою очередь, я тоже не мог предъявить Брижит какие-то претензии. Она любила меня. Была мне верна. По крайней мере, я так думал. Кстати, если бы я узнал, что во время

одной из своих поездок на съемки она изменила мне, я бы, вероятно, расстроился, но не стал бы кричать на каждом углу о ее измене. Мы умели развлекаться и смеяться. А ссорились, как балованные дети, любовники, и это было похоже на легкую зыбь, а не на бурю. Шум, ею вызванный, объяснялся столкновением двух сильных характеров, которые при этом не уничтожают себя. Наоборот, мы взаимно обогащали друг друга.

Подобно ребенку Брижит слишком многого требовала от тех, кого любила. Если на какое-то мгновение она лишалась их внимания, ее охватывал страх. «Я несчастна. Мне страшно», – повторяла она неоднократно. Работа в журнале принуждала меня к частым отлучкам, и это разрушало в ней что-то. Мое присутствие нужно было ей, как воздух. Днем, ночью, в Париже, во время съемок в провинции или за границей она звала на помощь, и я мчался к ней. А когда приезжал, бросив важную работу, настроение ее уже переменялось. Она напоминала ребенка, который утром забывает приснившиеся ночью кошмары. В этом смысле она была ужасной эгоисткой. Иногда мне подолгу приходилось утешать, успокаивать ее. «Мне страшно, Вадим. Ты будешь любить меня вечно?»

Переменчивая в настроениях, она столь же быстро меняла свое решение. Могла отказаться от ужина, о котором договорилась неделю назад. Могла отменить встречу с журналистом, приехавшим к ней специально из Рима или Нью-Йорка. При этом даже не извинялась. Обедая с ней три дня назад, я услышал: «Ты один умел заставить меня переменить решение. Сегодня никто не способен это сделать, и мне так трудно».

Я прощал ей многие капризы, как прощал их потом своим детям. Но ребенок вырастает и приспосабливается к своему новому положению. Говорят, он достигает возраста разума. А Брижит так и не выросла. Напротив, чем больше успех привлекал к ней людей, тем большего благоговения она требовала к своей персоне. Не то чтобы она стремилась всеми командовать, все решать, как поступают сильные женщины. То была более изощренная форма тирании, неизбывная жажда любви к себе со стороны другого человека.

Брижит не отличалась предсказуемостью. Я был свидетелем того, как она кричала на прислугу по поводу купленных котлет и в тот же день могла подарить машину дублерше, жившей в пригороде и вынужденной вставать в пять утра, чтобы успеть на автобус.

За много лет до выхода фильма «И Бог создал женщину...», то есть задолго до того, как она стала «звездой», американская компания братьев Уорнер предложила ей сказочный контракт. Голос Ольги Хорстиг, импресарио Брижит, дрожал от волнения, когда она называла цифры: полторы тысячи долларов в неделю в первый год, две тысячи на второй и пять тысяч – на третий. Плюс дом с бассейном и машина.

– Это, значит, сколько?

Ольга перевела доллары во франки. Брижит аж присвистнула.

– Вот черт! – воскликнула она. – Оказывается, они в Голливуде привязывают собак колбасой.

Потом спросила, поеду ли я жить с ней в Америке.

– Естественно, – ответил я.

Контракт был подписан.

Только тогда Брижит поняла все, что ее ожидало. Много денег, конечно, слава в кино-королевстве, но также необходимость жить в новой, не похожей на Францию стране, где не говорят по-французски. Ее охватила паника.

– Мне никогда не удастся там вырыть себе нору.

Вырыть нору означало создать на новом месте привычную обстановку. Изгнанные из своего логова лиса или заяц обречены, коли не найдут новую нору. То же самое относилось и к ней самой.

Она проплакала целые ночи напролет в течение недели. Мне никак не удавалось ее успокоить.

– Если я уеду туда, я пропала и умру, если останусь здесь, против меня возбудят дело и придется всю жизнь платить неустойку.

Я отправился к Ольге и как мог объяснил, что поездка Брижит в Голливуд невозможна. Ольга огорчилась, но ей удалось аннулировать контракт с «Уорнер».

После этого к Брижит вернулась улыбка, а ко мне – сон.

А поскольку счастье никогда не приходит одно, то именно тогда кто-то подарил моей жене черного трехнедельного кокера, которого она назвала Клоуном. Это был наш первый и единственный ребенок.

7

Большое достоинство Брижит заключается в полном отсутствии снобизма. Мы встречались с разными знаменитостями, но ни имя, ни размеры состояния не производили на нее никакого впечатления. Скорее, она сторонилась именитых людей. Ей нравилось ходить в гости, развлекаться, но она терпеть не могла светских приемов, где что ни человек, то известное имя. Повести ее на премьеру было целым событием. А среди наших близких были такие знаменитости, как Марлон Брандо.

Я познакомился с Брандо случайно. Однажды мы сидели с Кристианом Марканом в кафе на бульваре Монпарнас. Наше внимание привлек очень красивый парень за соседним столиком. Было лето, очень жарко. Разувшись и положив ногу на столик между «перно» и пепельницей, он массировал ее, испуская сладостные стоны, как бывает с женщиной на вершине оргазма. И только повторял: «Господи... как мне хорошо».

Завязался разговор, и сей Адонис рассказал, что много ходил, поэтому теперь с таким наслаждением массировал икры. Представился: Марлон Брандо. Один в Париже и проживает в ужасно неудобном отеле на левом берегу Сены.

Почувствовав неудержимое желание сбежать из Нью-Йорка, он улетел во Францию, где никого не знал. Он стал нам сразу симпатичен, и мы предложили ему поселиться в нашей квартирке на улице Боссано.

Лишь на другой день мы узнали, что Марлон – актер и недавно сыграл на Бродвее в пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай „Желание“». В кино он пока не снимался. В Нью-Йорке его имя уже было известно, а у нас никто его не знал. С первой же встречи он стал для нас с Кристианом большим другом. Мы и сейчас похожи на трех братьев.

По непонятным причинам Брижит и Брандо так и не сумели подружиться. Они нравились друг другу, их отношения были довольно сердечными, но не более того. А ведь эти такие непосредственные и чувственные натуры призваны были понять друг друга. На Брижит внешность Брандо не производила никакого впечатления. А тот находил ее лишь пикантной бабенкой.

После нашей свадьбы Брижит еще не видела ни одного его фильма и в гениальности Брандо смогла убедиться совершенно случайно.

Кристиан, Марлон, Брижит и я провели довольно бурную ночь в «Клуб Сен-Жермен» в районе Табу, что около рынка, и пешком шли вверх по Елисейским полям. Мы изрядно выпили, но пьяны не были (Брижит никогда много не пила). Дойдя до Георга V у «Фукетса», Марлон заметил столы и стулья на террасе, связанные на ночь цепями, чтобы не вносить в помещение. Не говоря ни слова, он стал расставлять их по-своему на тротуаре. И показал нам сцену из «Трамвая», играя за Бланш, Стенли, Митча...

Занимался день. Елисейские поля исчезли. Мы находились в небольшой душной квартирке в Новом Орлеане. С помощью трех стульев и двух столов он один творил то, что называется магией театра. Первые, еще не проснувшиеся и угрюмые прохожие шли на работу. Они с любопытством останавливались, а затем уже, словно замороженные и плененные, не

могли сдвинуться с места. Парижане – люди пресыщенные, на них трудно произвести впечатление спектаклем спозаранку. И тем не менее, не понимая по-английски, они сумели оценить талант в его чистом виде.

Существует убеждение, что это я «создал» Брижит Бардо. Но именно потому, что она еще никем не была «создана», ни общество, ни родители, ни ее профессия не успели оказать воздействие на ее натуру. Она шокировала, обольщала, породила моду и в конце концов превратилась в миф, в секс-символ. Более или менее неприкрытая нагота существовала в кино всегда. Но радостная, дерзкая, безгрешная нагота Брижит не столько волновала, сколько раздражала людей. Чтобы шокировать тартюфов и моралистов, Брижит не требовалось раздеваться.

Во время моих неприятностей с цензурой после съемок фильма «И Бог создал женщину...» один из цензоров стал упрекать меня за то, что в одной из сцен Брижит выходила на глазах своего шурина из постели нагая. Я показал ему эту сцену еще раз. На Брижит был длинный до колен свитер. Но этот человек все равно видел ее раздетой. Он и сегодня уверен, что я тогда заменил кадр.

Нет, я не создал Брижит. Я лишь способствовал расцвету ее таланта, помогая освоить профессию и остаться самой собой. Я помог ей избежать склероза запрограммированных норм поведения, которые в любой профессии убивают талант, не позволяя ему идти вперед. Но главным образом я дал ей роль, идеально сочетающую вымышленный образ с ее собственным характером в жизни. В карьере любой «звезды» всегда внезапно проявляется роль, словно предназначенная для нее. У Брижит это была Жюльетта в «И Бог создал женщину...». К тому времени она уже снялась в шестнадцати фильмах. Семнадцатый сделал ее «звездой».

У Брижит была привычка сбегать от репортеров и фотографов. Всю жизнь она их обманывала, а мне приходилось улаживать эти конфликты с прессой. Сама она никогда не искала рекламы. Но остается факт: ее появление всегда становилось событием.

Однажды она согласилась сняться во второплановой роли в английском фильме «Дилемма доктора» с Дирком Богартом. Это была приличная комедия, но отнюдь не событие года. Как обычно, продюсеры разослали в редакции фото французской «звездочки» с ее краткой биографией. Никто в Англии не видел ее фильмов. Но имя, наверное, было знакомо. И вот вместо полудюжины репортеров и фотографов на пресс-конференцию в отель «Дорчестер» явилось около тридцати. Она же никак не хотела выйти из номера (утверждая, что мерзко выглядит), и когда наконец появилась, пирожки были съедены, шампанское выпито и пишущая братия пребывала в дурном настроении. И снова случилось чудо. Сработал магнетизм личности Брижит. На ней была простая шерстяная блузка, облегающая тело, как перчатка. Она выглядела целомудренно и одновременно непристойно. Фотографы щелкали без передышки. Ее опоздание и отсутствие шампанского были забыты и прощены.

– Назовите самый прекрасный день в вашей жизни? – спросил один журналист.

– Ночь, – ответила она.

– Кем вы больше всех восхищаетесь? – спросил другой.

– Исааком Ньютоном.

– Почему?

– Он открыл закон притяжения двух тел. Раздался смех.

– Есть люди, которых вы ненавидите?

– Докторов, занимающихся вивисекцией на животных, и президента Эйзенхауэра за то, что он отправил на электрический стул супругов Розенберг.

Она умела так формулировать свои мысли, что те били прямо в цель. Например: «Когда у мужчины много любовниц, его называют Дон Жуаном. Когда у женщины много любовников, ее называют шлюхой».

На другой день она была на первых полосах «Дейли телеграф», «Ивнинг стандарт» и «Гардиан». С десятков других газет напечатали ее фото и писали о «французском секс-кокете».

После нашей свадьбы и до лета 1954 года она снялась в комедии давно забытого французского режиссера Андре Бертомье и в итальянской мелодраме-спагетти. Не больше пользы принесло ей участие в картине Анатоля Литвака «Любовный акт» с Керком Дугласом и в фильме Саша Гитри «Если бы мне рассказали о Версале».

К тому времени Брижит нашла свой стиль, приметам которого стали белокурая копна волос, челка и конский хвост или просто рассыпанные по плечам кудри. Обычно глубокий вырез блузки позволял видеть округлые груди и покатые плечи. Она разрешала любоваться своей тонкой талией, платьем до колен, под которым виднелась пышная нижняя юбка, не скрывавшая голые ноги в маленьких лодочках. В других странах – в Англии и Италии, а также несоциалистических странах Европы – можно было встретить сотни таких же молодых девушек.

В 1954 году я сопровождал Брижит в Рим. Ее пригласил Роберт Уайз на роль наперсницы Россаны Подесты в итало-американской суперпродукции «Елена Троянская». Это был тот самый Рим с его сладкой жизнью, которую Феллини увековечит через несколько лет. Тогда «звезды» со всего света стремились попасть на студию «Чинечитта», прозванную «Голливудом на Тибре». Мы жили в номере с террасой на восьмом этаже отеля, расположенного наверху лестницы площади Испании. Из нашего окна и до самого горизонта были видны выкрашенные в охру и розовый цвет крыши вечного города.

Это была счастливая и, увы, недолгая пора, когда мы проводили время с итальянскими, английскими, французскими и американскими друзьями в ночных клубах, но главным образом во время ужинов под гитару, долгих прогулок за полночь по узким улочкам Трастovere, с ночными купаниями на пляжах Остии и Фрегоне в чистых водах Средиземного моря, без дегтя и химических отходов. Наркотики тогда еще не вошли в «моду», и римский рай не выглядел таким уж необычным.

Наш друг Даниель Желен привез в Рим очаровательную семнадцатилетнюю немецкую швейцарку. Бурная жизнь Желена пугала ее. Как-то раз вся в слезах и с дорожной сумкой на плече она пришла к нам в отель и попросила приютить ее.

– Моя дорогая, мы охотно приютим тебя, – сказала Брижит. – Но у нас всего одна, правда, очень широкая постель. Хватит и тебе места.

Таким образом, в течение недели я делил постель с Брижит Бардо и Урсулой Андрес. Быть может, я разочарую читателя, но не было никакого флирта, никакого секса. Брижит терпеть не могла любви троим. Я испытывал некоторую неудовлетворенность. Но какая это была радость для глаз! Помнится, я сидел однажды на террасе, куда был подан первый завтрак. Через балконную дверь солнце освещало две нагие женские фигуры. Загорелые, бесстыжие, они смеялись, откровенничая друг с другом. Лучи римского солнца ласкали их тела, добавляя новые краски к совершенству тел. Пересекая со скоростью 30 000 километров в секунду космические дали, эти лучи ласкали животы двух богинь в расцвете красоты. Никогда прежде ни в кино, ни в музеях перед великими полотнами мастеров я не испытывал такого восхищения этими творениями искусства...

Мне пора было срочно подумать о своем реноме. Мой кокер Клоун, обладавший несомненным шармом и блестящей шерстью, был куда больше известен, чем я. Мы часто ужинали с Брижит в «Элизе-клуб», куда приходили популярные деятели шоу-бизнеса. Однажды Брижит позвонила мне туда и сказала, что едет прямо домой. Гардеробщицы не было на

месте. Я решил обслужить себя сам. И тут обнаружил приколотую к пальто записку «Господин Клоун». Гардеробщица знала Брижит и имя ее собаки, а не мое собственное. Если бы меня назвали «Господин Бардо», я бы остался равнодушен. Но «Господин Клоун»... Звание супруга королевы внезапно показалось мне невыносимым.

И я решил, что мой удел не приносить в журнал события, свидетелем которых пришлось быть, а самому придумывать истории.

Настало время взяться за работу. И всерьез.

8

Похоже, Брижит была уготована судьба вечной «звездочки». Первые убогие роли она сыграла в фильмах убогих режиссеров. Но двое ее продюсеров сумели занять первое место в европейском бокс-офисе. Недурно зарабатывая, они ничего не делали для артистического престижа Брижит. Крупные режиссеры – Марк Аллегре, снявший ее в картине «Будущие звезды» с Жаном Марэ, Рене Клер – в «Больших маневрах» с Жераром Филипом, предлагали ей лишь эпизоды.

Покинув «Пари Матч», я решил потратить все силы для написания сценариев. Упрямство и талант в конце концов должны были принести плоды. Своим первым успехом я обязан Жану Кокто.

Марк Аллегре собирался снять для продюсера Пьера Бромберже фильм по роману Луизы де Вильморен «Жюльетта». Создание картины стало возможно только благодаря участию в ней Жана Марэ. За неделю до начала съемок он забраковал сценарий. Это была полная катастрофа для продюсера, который уже продал фильм. Аллегре призвал меня на помощь и попросил переписать сценарий. Существовала лишь одна проблема: Марэ должен был дать ответ не позднее чем через двое суток. «Жанно» спросил у Жана Кокто, может ли он положиться на молодого сценариста Марка Аллегре. Кокто ответил: «Вадима? Абсолютно. С закрытыми глазами». За пару дней я переписал сценарий, ввел новые диалоги. Я предложил на главную роль Брижит. Но несмотря на нажим со стороны Марка Аллегре роль получила тогдашняя «звезда» Дани Робен. Фильм имел огромный успех. Продюсер г-н Сенамо, узнав о моем подвиге, передал мне сценарий, предназначенный для постановки в Италии с актером Жаном Бретонньером, популярным в 1955 году опереточным певцом. Я дал согласие на двух условиях: главную роль поручат Брижит, а режиссером будет Мишель Буарон, ассистент Рене Клера. Время гениальных младенцев «Новой волны» еще не пришло. Мишель Буарон находился где-то посередине – между традиционным и незнакомым кинематографом. Прекрасный профессионал, он прошел у Рене Клера хорошую школу, так что продюсеры и прокатчики могли не беспокоиться. И тогда за отсутствием мэтра они пригласили ученика.

Впервые Брижит играла роль, написанную для нее на современном языке, работая с режиссером, воспитанным в классических традициях, но снимавшим свой первый фильм. И его картина «Эта проклятая девчонка» имела успех.

Я написал затем для Марка Аллегре сценарий еще одной комедии: «Обрывая лепестки маргаритки». То была работа на заказ. Оригинальный сюжет, придуманный продюсером, не обладал никакой оригинальностью. Девушка из приличной семьи, которую выгнали из дома родители, приезжает в Париж без гроша в кармане и поступает стриптизеркой в ночной клуб. Я все переделал, написав забавную, романтическую и довольно сексуальную историю. В главной мужской роли должен был сниматься наш друг Даниель Желен.

Я в третий раз получил серебряную медаль. В Голливуде мне была бы обеспечена работа сценариста. Во Франции авторы не пользовались тем же престижем. Им плохо платили. Но Брижит превратилась из «звездочки» в признанную актрису, «приносившую деньги». Почти в «звезду». Я выиграл первую битву.

Людям нашей профессии было известно, что я не только сценарист Буарона и Аллегре. Что нередко принимал участие в мизансценировании и репетировал с актерами. Пришло время перейти от авторучки к съемочной камере.

Я был готов. Требовался только случай и шанс. Шанс предстал в облике Рауля Леви. Он был старше меня на пару лет и обладал бездной обаяния. И это не метафора – Рауль продавал и перепродавал все, в том числе свое обаяние. Обладавший изрядной интеллектуальной энергией, он изнурял себя и других. Однажды ночью, в сильном подпитии, зная, что не сумеет ничего вспомнить после протрезвления, он открыл сейф и достал оттуда три тысячи долларов, которые мы прекрасно прокутили в Авиационном кружке, трижды пытаясь сорвать банк у короля Фарука.¹ Обнаружив на другой день пустым сейф, он подал жалобу в полицию.

Бельгиец русского происхождения, Рауль Леви в 1941 году вступил в британскую военную авиацию и быстро завоевал репутацию самого плохого пилота: когда он был в воздухе, европейские коровы терпели больший урон, чем военные заводы Третьего рейха. Он буквально превзошел себя на последнем вылете. Положив бомбы в сотне километров от цели, его «летающая крепость» сбилась в тумане с курса. А когда кончилось горючее, он приказал второму пилоту садиться на первую увиденную взлетную полосу.

– Это Дувр, – сказал он. – Наше радио вышло из строя, и я просто не понимаю, о чем говорят парни на командно-диспетчерской башне. Садись, там увидим.

Это оказался не Дувр, а Штутгарт. Но так как все случилось за несколько недель до капитуляции немцев, военнопленным он пробыл недолго.

Рауль Леви принадлежал к ныне исчезнувшей расе продюсеров-авантюристов, любивших кино и знавших в этом толк. Коли у него не было денег на съемку дорогого фильма, он блефовал, как в покере. На сей раз у него оказались такие козыри, как молодой сценарист Роже Вадим и его жена Брижит Бардо. Он поручил мне написать роль для Брижит и самому снять фильм. У него были права на экранизацию романа «Маленькие гении» племянника крупного французского адвоката Мориса Гарсона. Сюжет был настолько неинтересным, что я не сумел написать по нему ничего хорошего. Немного огорченный, я отправился в Рим с Брижит обсудить с одним продюсером очень важный для нее проект. Так, по крайней мере, ей сказала ее импресарио Ольга Хорстиг. Я давно знал, что у итальянцев всегда все очень важно.

Мы поселились в том самом отеле, в котором жили год назад. Ничего там не изменилось, но мы оба уже не пылали страстью друг к другу. Успехи Брижит не имели отношения к деградации наших чувств. Популярность не изменила ее. Ее беспокоило отсутствие у меня былого огня, и она уже не отворачивалась, когда читала страстное желание в глазах других мужчин. Подчас она прижималась ко мне и с каким-то отчаянием смотрела в глаза. Испытывая страх и боль перед опасностью того, что могло произойти. Я знал, о чем она думает: «Держи меня крепче. Не дай мне влюбиться в другого. Я не хочу этого. Лучше умереть». Она снова страдала оттого, что хотела все большего и как можно скорее.

Тем не менее я любил ее. Она была мне женой, дочерью, возлюбленной. Но я был не в состоянии дать ей то, что она хотела: ее Грааль.

Однажды мы находились в «Каза дель Корсо». Я смотрел, как она танцует. Брижит выглядела ослепительно, вся так и лучилась, исторгая невероятную чувственность, присущую женщине, животному, творению искусства. А я вспоминал царственную малышку Брижит в студии Уолкера, встававшую на пуанты, делающую пируэты, прыжки. Она пробыла на площадке два часа. И тут я вспомнил историю девушки, жившей с тремя братьями и убившей

¹ Король Фарук (1920–1965) – бывший король Египта, свергнутый с престола в 1952 г.

одного из них. Меня поразило тогда не убийство, а личность юной преступницы. Ее поведение перед судом присяжных, ее ответы адвокатам и судьям. Это походило на просветление.

Я решил предложить этот сюжет для картины с Брижит, попросил бумагу и на десяти страничках написал краткое содержание будущего фильма.

Мы вернулись в отель в три утра. И всю ночь Брижит просидела, обняв меня, подобно женщине, терпящей бедствие, которая хватается за спасательный круг.

На следующий день я решил вернуться в Париж. Я не хотел лжи, фальшивых угрызений совести, слез. Я не хотел напрасных страданий. Я провел за рулем двадцать часов и остановился у «Фукетса», зная, что найду там Рауля Леви.

– Забудь о «Маленьком гении», – сказал я ему. – Я нашел то, что надо.

В течение часа я рассказывал ему о своем замысле. И убедил его.

– Согласен, – произнес он. – И название есть?

Название я придумал три месяца спустя. Думаю, неплохое название: «И Бог создал женщину...»

9

Брижит не хотела, чтобы наш брак распался. Она всячески стремилась сделать мужа счастливым. Несмотря на постоянные размолвки, нам удавалось подчас испытывать былой пыл и нежность. Но я не обманывался по поводу этих миражей. И считал конец нашей совместной жизни неизбежным.

Существовала еще одна проблема, с которой я, увы, не был в силах сладить. Я меньше, чем прежде, хотел ее. И такая пассивность с моей стороны не имела оправдания, если учесть, что Брижит был 21 год и она была в расцвете красоты. Множество мужчин готовы были продать душу дьяволу, лишь бы оказаться вместо меня в ее постели. Думаю, Брижит была присуща та же астенция на мой счет. После первых лет бурного влечения некоторые супружеские пары находят другие формы любви и гармонии. Я понимал, что переход к фазе духовных отношений у нас с Брижит невозможен. Для нее существовало только все или ничего.

Несколько лет назад она сказала одному английскому журналисту: «Если бы Вадим был ревнив, все бы, вероятно, уладилось». Ревность, конечно, может стать костылями для угасающей любви. Но лишь на некоторое время. Стремясь оттянуть развод, который приносит страдания, муж и жена расстаются врагами. А этого я не хотел никоим образом.

Разумеется, я ревновал. Но на свой лад, то есть никак это не демонстрируя. Вообще в таких делах я не пример для подражания. Я слишком далеко зашел в куртуазной игре в неверность. Подчас мою позицию (состоявшую из целомудрия, а не безразличия) принимали за верх цинизма. Как, мол, может любящий муж позволять жене раздеваться на глазах всего мира, более того, отдавать ее другому мужчине и к тому же фиксировать это с помощью кинокамеры?

Мою ревность способна была вызвать не физическая измена, не обнаженное тело, а флирт, ложь, обман. Я страдаю, когда вижу обмен улыбками, прикосновение рук, даже если этим все и ограничивается. И в то же время меня ничуть не смущает, если посторонние глаза видят, как твоя любимая женщина принимает ванну.

Обнаженные актрисы на съемочной площадке меня несколько не волнуют. Многие художники писали ню любимых женщин, выставляя затем картину на всеобщее обозрение. Какая разница между объективом камеры и кистью? А присутствие съемочной группы на площадке? В мастерских Ренуара и Рубенса часто толпилось много народа.

Брижит переживала первый кризис взрослого человека. Она видела, что наша любовь на исходе. Ее судьба была у нее в руках, и она приходила от этого в ужас.

Однажды мы сидели на диване и слушали песенку Брассанса «Лошадка».

– Ты не любишь меня как прежде? – внезапно спросила она. – Что я тебе сделала?
Я вернул ей ее вопрос:

– Ты не любишь меня, как прежде? Что я тебе сделал?

Подумав немного, она ответила:

– Может быть мы в этом и не виноваты? – И добавила: – Когда умер Тино, я знала, что случится что-то ужасное. – (Соловья нашей консьержки съел кот комиссара полиции.)

Подобная логика сбивала меня с толку, и я смолкал.

Она продолжала:

– Помнишь случай с твоим обручальным кольцом? Это тоже был знак. Следовало тогда обратить внимание.

Брижит имела в виду таинственное исчезновение этого кольца. Я часто снимал его с пальца и крутил, играя. Однажды в кабинете продюсера фильма «Эта проклятая девчонка» оно свалилось на пол. В течение часа вся продюсерская часть на коленях искала пропажу. Тщетно. Оно испарилось. Год спустя, накануне того дня, о котором идет речь, скучая, я сидел в том же кабинете и дотронулся до ключа в одном из ящиков. И тут внезапно обнаружил кольцо. Оно оказалось на этом ключе и было незаметным на фоне меди замочной скважины. Но расценивать сие как знак небес я не решался. Брижит же была совершенно уверена в этом.

– Это был знак, – повторила она.

– Соловей и кольцо. Похоже на название китайской сказки, – сказал я.

– Или русской. Надо было послушаться бабушки и поостеречься русских. Мерзкий русский!

Она рассмеялась и поцеловала меня. Мы очень мило провели оставшийся вечер. Она курила сигарету. «Всегда потом, как в фильмах», – любила она говорить.

– Смешно слышать, – заметила Брижит, – что супруги, прожившие вместе много лет, прибегают к разным уловкам. А я наоборот – с годами, старея, становлюсь все более благо-разумной.

– Тебе только 21 год.

– Действительно, не так уж много. И тем не менее дремлющая во мне буржуазность берет верх.

Она вздохнула.

Я не стал ей говорить, что ее буржуазность не мешала ей недавно в Риме в исступлении танцевать в «Каза дель Корсо»...

На заре – я имею в виду девять часов утра – меня разбудил звонок Рауля Леви.

– Ты еще спишь? – спросил он.

– Да.

– Ты сумеешь быстро собрать чемодан?

– Никогда не пробовал.

– Вот и попробуй. Я жду тебя в десять сорок на Восточном вокзале, перрон 12, поезд на Мюнхен.

Последовала долгая пауза.

– Повтори, – сказал Рауль.

– Поезд на Мюнхен, – произнес я.

– Прекрасно. Только не опаздывай. Он повесил трубку.

– Что ты делаешь? – спросила Брижит, не успев продрать глаза.

– Собираю чемодан.

– Чемодан?.. Почему?.. Я была вчера такая хорошая.

– Я не ухожу. Я еду в Мюнхен.

– Если ты не уходишь, как же ты доедешь до Мюнхена?

– Рауль ждет меня на вокзале.

– Почему?

– Не успел его спросить. Слишком хотелось спать.

– Едешь в Мюнхен, сам не зная зачем? Ну и психи же вы все!

Она повернулась на другой бок и уснула. Я встретил Рауля на вокзале.

– Как бы ты отнесся к мысли снять цветной, широкоэкранный фильм? – спросил он.

Я ушам своим не верил. В то время во Франции сочли бы чудом, если бы 26-летнему молодому человеку доверили постановку полнометражного фильма. А уж о цветном широкоэкранном фильме и мечтать нельзя было. А я втайне часто думал об этом. У меня были свои взгляды относительно использования цвета и широкого экрана.

– Пошли, в вагоне все узнаешь.

Он подождал отправления поезда и только после этого рассказал.

– «Каламбия» даст мне деньги на цветной широкоэкранный фильм при условии, если мы снимем в нем Курта Юргенса. Мы едем в Мюнхен, чтобы с ним поговорить.

– И в какой роли?

Тремя главными персонажами картины были три брата: пятнадцати, двадцати и двадцати пяти лет. На эти роли актеры уже были выбраны. Младшего должен был играть Пужули (мальчик из «Запрещенных игр» Р. Клемана), среднего – Трентиньян и старшего – Кристиан Маркан.

Курт Юргенс был крупной «звездой» международного класса, и ему перевалило за сорок. Я просто не представлял себе его рыбаком из Сен-Тропе, с его немецким акцентом.

– Можно превратить фильм в бурлеск, пригласив на роли братьев Лаурела и Харди, – предложил я.

– Ты прав. Юргенс не годится на роль одного из братьев.

Он был огорчен, но не сдавался. На первой остановке в Саарбрюккене я снял с полки чемодан. Рауль схватил меня за руку.

– Есть идея. Ты разработаешь персонаж богатого судовладельца. Его и сыграет Юргенс.

– Он никогда не согласится на второстепенную роль.

– Невозможно – не французское слово.

– Ты бельгиец, а я наполовину русский, – заметил я.

Он засмеялся, и я остался в поезде.

В Мюнхене он запер меня в «люксе» роскошного отеля, снабдив икрой, семгой и водкой до отвала. А в качестве премии – фотомodelью Марией, которая была также секретарем-машинисткой, и мы за два дня закончили новый вариант сценария.

Курт Юргенс принял нас с обычной вежливостью и радушием в своей роскошной баварской вилле рядом с озером в нескольких километрах от Мюнхена.

Он только что подписал крупный контракт с одной из голливудских компаний, но собирався в Калифорнию лишь летом.

– Я прочитаю рукопись вечером, – пообещал он. – Если соглашусь, то сумею вам выделить четыре недели в мае.

На другой день он позвонил и сказал, что согласен.

– Видишь, бывают чудеса на свете. В них надо только верить и провоцировать. Таким даром обладают далеко не многие.

Во время съемок в Ницце я спросил Курта, почему он согласился на второстепенную роль у режиссера-дебютанта после работы у мэтров мирового кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.